

ДАННЭЛЪ КОЛОИ

ЮЛИУС ЭВОЛА, РЕНЕ ГЕНОН
И ХРИСТИАНСТВО

Данная электронная книга свободна для некоммерческого использования и распространения при условии, что Вы не будете изменять текст книги.

Оригинал книги (актуальная версия перевода) всегда доступен на сайте электронного издательства Ex Nord Lux DIGITAL
<http://nordlux-digi.org>

Даниэль Колон

**ЮЛИУС ЭВОЛА, РЕНЕ ГЕНОН
И
ХРИСТИАНСТВО**

*перевод с испанского, примечания, иллюстрации
Натэллы Сперанской,
исследовательская группа «Catena Aurea»*

Эта книга, изданная в 1978 году, стала объектом первого испанского перевода в 1982 году и была распространена в традиционалистских кругах того времени не более чем в 150 экземплярах. Теперь мы снова, но уже через Интернет, предлагаем читателю оценить качество и ясность представлений Даниэля Колона. В данном тексте, который опирается на эволианскую и генонианскую точки зрения, автор показывает не только знание мира Традиции, но и надёжную объективность. В некоторых частях текста сделан чрезмерный акцент на дискуссию против Новых Правых; необходимо рассматривать эти линии в контексте интеллектуальной полемики, которую в ту эпоху переживала Франция.

ВВЕДЕНИЕ

Некоторые свидетели Традиции

Изначальное Единство и Доктрина Четырёх Эпох

Неоднозначность христианства

Наша метаполитическая цель.

ГЛАВА I

ДРЕВНИЙ РИМ В СРЕДНИЕ ВЕКА. УПАДОК РОМАНСКОГО МИРА.

Антихристианство Юлиуса Эволы

Упадок истории

Разрыв или непрерывность Западной Традиции

Два течения Средневековой эпохи

ГЛАВА II

АСПЕКТЫ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ХРИСТИАНСТВА

Христианство: обновление и непрерывность

Интеграция христианского символизма

Двухцентральная структура духовных центров

Христос: Царь, Священник и Пророк

Христианство и инициация

ГЛАВА III

ХРИСТИАНСТВО КАК МЕТАПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ГИБЕЛЛИНИЗМ, НАСЛЕДИЕ И ЗНАЧЕНИЕ.

История и революция

Ошибки псевдо-правых

Очищающий Меч

ГЛАВА IV

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА И МЕТАФИЗИКА ПОЛА. РЫЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Биологизация Эроса

Случайный гибридизм

Католический брак

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ СВИДЕТЕЛИ ТРАДИЦИИ

В центре «интегрального традиционализма» находится концепция Изначальной Традиции, предшествующей и превосходящей все отдельные традиции, являясь общим метафизическим корнем различных религий, которые возникали на поверхности Земли.

По словам Жана Робена, автора главной книги о Рене Геноне¹, на которую теперь нередко ссылаются, Генон был основным «свидетелем Традиции». Некоторые критики (например, Мишель Вальсан²) заходят так далеко, что даже присуждают ему род папской непогрешимости в этом вопросе.

Юлиус Эвола, во многих отношениях наследник Рене Генона, отделился от него в тот период, когда дело дошло до оценки роли христианства в Изначальной Традиции. В названии нашей работы упомянуты оба автора в обратном хронологическом порядке, но, не смотря на то, что предшествующим исследованием стало исследование Юлиуса Эвола, анализ Рене Генона гораздо глубже и представляет собой завершающий этап в поисках этого «supra-христианства»³, как говорит Мирча Элиаде. В сущности, Юлиус Эвола отрицает любое инициатическое значение происхождения христианства. Хотя время от времени он подчёркивает с достойной одобрения чертой интеллектуальной честности, эзотерический смысл некоторых фрагментов Евангелий или Посланий Апостола Павла, всё же он считает их не более чем случайным традиционализмом, абсолютно неотъемлемым от самой сущности евангельских доктрин и паулизма⁴. Если Католическая Церковь и Средневековый Христианский мир приобрели традиционалистские черты, — хотя не совершенные, если говорить о первой, — они должны были распространять не то, что было внутренне присуще христианским истокам, а соответствующую римскому духу классику и северно-германские преобладавшие черты. Рене Генону, напротив, была известна эзотерическая сущность «изначального христианства», выраженный в форме таинств общий инициатический путь всех великих традиционных религий. Своей кульминации это традиционное христианство достигает в Средние века, без всякого превосходящего признака в своём духовном проявлении, этнического «варварского» субстрата и следов римского менталитета. На грани внутреннего разложения из-за спада его эзотерического сознания и сакрализации обрядов, католицизм в глазах Рене Генона превращается в единственную силу, способную возродить Запад в традиционном смысле.

¹ Речь идёт о книге «Rene Guenon, temoin de la Tradition» (Guy Tredaniel, 1978).

² Мишель Вальсан – крупнейший представитель геноновской традиционной школы.

³ Супра- (лат. supra-) – приставка, означающая «нахождение над чем-либо, выше чего-либо».

⁴ «Паулизм» – или учение и деятельность апостола Павла.

Кроме Эволы и Генона, другие мыслители размышляли над идеей «универсальной религии», от которой произошли все прочие. Жозеф де Местр⁵ писал: *«Истинной религии более восемнадцати веков: день её рождения — день рождения мира»*. В своём **религиозном письме** к Симоне Вейль он приводит высказывание из **«Ночей в Санкт-Петербурге»**⁶: *«Разные религиозные традиции — это разные проявления одной истины»*. Истинная религия, которую воскрешает де Местр, — **Philosophia perennis, религиозная Вера**, именем которой Блаженный Августин назвал одну из своих книг. Он утверждает: *«То, что сегодня называется христианской религией, возникло уже у древних, не отсутствовало оно и у зачинателей человеческого, рода. И когда Христос явился во плоти, истинная религия, которая была уже до этого, получает имя христианства.»* В подобном же стиле пишет и Доносо Кортес⁷: *«Главная истина христианства была открыта человеку, слилась с его духом и осталась в истории как первое божественное слово, обращённое к миру»*.

Эти авторы являются не только свидетелями Традиции, но также служат доказательством существования вечного христианства, за пределами его случайных проявлений во времени и пространстве, со стояла Вифлеема до базилики Святого Петра в Риме, эпохи Августа во времена соборов и рыцарей.

⁵ Де Местр (de Maistre) Жозеф (1753-1821) – французский публицист, один из идеологов феодально-монархической контрреволюции.

⁶ Joseph de Maistre «Las veladas de San Petersburgo».

⁷ Кортес Доносо (1809-1853) – испанский государственный деятель, дипломат, философ католического направления. Кортес считал, что современный мир представляет собой наступление «люциферического атеизма» на универсальный католицизм.

ИЗНАЧАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И ДОКТРИНА ЧЕТЫРЁХ ЭПОХ

Традиционная мысль опирается, главным образом, на различие между проявленным миром, вытекающим из постоянной дисперсии и «внеземным», задуманном как изначальное состояние трансцендентного единства. Это различие между видимым и невидимым мирами довольно точно соответствует доктрине *двух природ*, которую Эвола изложил в начале своей книги **«Восстание против современного мира»**: физическая природа, сфера множественности и количества, и метафизическая природа, охарактеризованная единством и качеством. С одной стороны духовный мир, место преодоления различий и антагонизмов, театр ***coincidentia oppositorum***⁸, с другой — материальный мир, несовершенная и преходящая эманация первого, вспышка, несущая множественность конфликтов, бесформенное царство количества, ***materia signata quantitate***⁹.

Эта общая концепция Изначального Единства, из которой вытекает многообразие, неотъемлемое от проявленного мира, — находит свое отражение в ряде конкретных аспектов традиционного представления о человеке и мире. В связи с человеческим представлением о божественном («идея Бога», которой **падре В.Шмидт**¹⁰ посвятил объёмную работу), мы упомянем тезис «изначального монотеизма» этого католического антрополога, которому Эвола возносит хвалу в книге **«Маски и лики современного спиритуализма»**. В действительности возможно, что параллельно с созерцанием сверхмира как области Первоначального Единства, духовный характер истоков замыслил Бога как единое Существо, заключившее в себе все противоположности. Подобным же образом Мирча Элиаде объясняет три монотеистические религии — иудаизм, христианство и ислам — определением *«монотеистическая революция»*, что очень мудро, если понимать под «революцией», согласно латинской этимологии этого термина — движение, побуждаемое желанием вернуться к изначальному состоянию. Генон утверждает, что каждая великая традиция обязательно монотеистическая в той мере, в какой она пытается обрести связь с высшим Единством, присущим духовному характеру истоков.

Сама идея Изначальной Традиции находится за пределами отдельных структур, и продолжается в чётко детерминированной части истории религий, в концепции, которая отличает за рамками случайных феноменов, обусловленных течением времени и пространства, единство, что одновременно их объединяет и преодолевает. Так Фритьоф Шуон смог воскресить *«трансцендентное единство религий»*. Метаполитика и метафизика пола предполагают иные проявления Изначального Единства, предшествующего и превосходящего множественность физического мира:

⁸ Лат. «Совпадение противоположностей».

⁹ Лат. «Материя, отмеченная количеством».

¹⁰ Шмидт Вильгельм (1868–1954) — католический священник, основатель «венской школы этнографии». С помощью теории «культурных кругов» доказывал теорию «прамонотеизма», т.е. существования у первобытных людей веры в единого Бога.

это, соответственно, синтез духовной и светской власти, и миф об Андрогине, на который христианская традиция намекает через Слово Святого Луки, Святого Матфея и Скота Эриугены.

В традиционном мировоззрении, идея Изначального Единства, возникла в пору ностальгии по первоначальной эпохе, где различия и конфликты разрешались через общее метафизическое напряжение в интегральном и трансцендентном синтезе.

Эту счастливую эпоху мира, порядка, равновесия и гармонии мы обычно называем **Золотым веком**, согласно терминологии Гесиода. И это не что иное, как **Рай** христианской традиции, изначальное состояние высокой духовности, о котором все традиции сохранили светлое воспоминание.

С того момента, как метафизическое напряжение начинает отражаться в мире истоков, происходит головокружительное падение в хаос, неотъемлемый от материи. «Первородный грех» христианской традиции не что иное, как причина этого упадка. Он включает в себя четыре этапа: это традиционная доктрина четырёх эпох, которые продолжаются в течение **Манвантары** (в индуистской традиции, так называется цикл, соответствующий истории человечества). Мы не будем подробно описывать здесь особенности золотого, серебряного, бронзового и железного веков. Мы ограничимся напоминанием о том, что их последовательное появление в истории нынешней **Манвантары** параллельно возрастающему удалению современного человечества от изначальной духовности. Здесь говорится об управлении, которое не исключает попытки успешного восстановления. Согласно Генону, в самом сердце железного века, происхождение которого восходит к «историческим» временам, должна произойти светлая революция — в этимологическом смысле этого термина — западного христианского Средневековья. Но, учитывая состояние упадка современного человечества, такие попытки всегда были обречены на скорую абсорбцию во всё более порывистом течении духовности, соответствующей условиям своей эпохи. Случается и так, что иные традиции, даже сохраняя первичную духовность, вынуждены адаптироваться к условиям своего времени. Это ситуация христианства, двусмысленность которой происходит из двух различных направлений, сосуществующих в лоне его доктрины: с одной стороны — бесспорное следование Традиции, с другой — попытка приспособиться к условиям Кали-юги.

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ ХРИСТИАНСТВА

В традиционном мировоззрении Золотой Век — не только объект ностальгии. Это также объект надежды. Рай, быстро утраченный на фоне прошлого и прогнозируемый на горизонте будущего. Каждый цикл содержит в себе семена нового человечества. Конец текущей **Манвантары** совпадает с началом нового цикла, что откроется Золотым Веком. Столкнувшись с собственным растворением в **Кали-югу** (индуистский термин, который означает железный век, «тёмный век», эпоху Кали, богини разрушения), этот вновь возвращённый Рай символически воссоединяется с вечностью. Это «*тысячелетнее царство*», объявленное в Апокалипсисе.

Во время традиционного завершения цикла, христианство вызывает неоднозначную реакцию своей верой в возвращение Золотого Века и вестника нового человечества. Кто-то склонен видеть в этом мессианстве разрыв связей с другими традициями и считать его специфической чертой христианской (и еврейской) традиции. В действительности же это мессианство — только усиление общей традиционной тенденции, навязанной историческими условиями. Таким образом, христианская концепция Парусии (возвращение Христа в конце времён) имеет эквивалент в других религиях. Торжествующему Христу, который восстанавливает порядок и правосудие, в индуистской традиции соответствует Калки-Мститель, который положит конец беспорядку и растворению железного века с **колоссальными разрушениями** (см. Savitri Devi, **Souvenirs et reflexions d'une aryenne**, стр. 199). Если время от времени христианство представляет спектакль мессианства, то лишь по мере того, как исторический театр действий приближается к заключительному этапу «*конца времён*», упомянутому в Евангелии, в эту эпоху всеобщего и необратимого упадка, когда единственная причина для того, чтобы жить, заключается в надежде на новый Золотой Век.

Такова двусмысленность христианства: в нём уживаются два элемента чистой традиционной доктрины и проблематики разумного приспособления к условиям конца Цикла. Усилия и адаптация христианской традиции к условиям **Кали-юги** различно интерпретируются. Некоторые усматривают в этом возможность презирать христианство, клеймить его как мессианизм, который не соответствует западному менталитету. Другие видят в этом нововведение, которым христианство может гордиться, претендуя на своё превосходство перед другими традициями. Так полагают многие католики: воплощённое Слово, традиция, происходящая от прямого вмешательства Бога в историю, христианство, имеет характер абсолютной новизны и духовного превосходства по отношению к другим традициям. На самом деле речь идёт об относительной, объяснимой новизне в общей структуре нынешней **Манвантары**. Вмешательство Бога в историю через Воплощённый Глагол, было необходимо в виду состояния крайней дегенерации Цикла и человечества, которое ему соответствовало. В этом так называемое превосходство христианской традиции. Христианство не является самой

лучшей религией. Это лучшая религия лишь в обстоятельствах железного века, традиция, более приспособленная к крайне распущенной эпохе, где человечество потеряно в материальной хаосе и «царстве количества».

Лукас Кранах Старший. Золотой Век.

НАША МЕТАПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ

Поль Серан напоминает нам, что в своём стремлении к цивилизации «интегрального христианства», Генон всегда находится «вне и выше модернистских перспектив фундаменталистов». Такой же является и наша точка зрения в анализе христианства как метаполитического явления. Не следует приходить к заключению, что мы ставим на один уровень абсурдные критерии **аджорнаменто**¹¹ с гораздо более интересными концепциями архиепископа Лефевра¹² и аббата Жоржа де Нанта¹³. Для нас, как и для фундаменталистов, христианская концепция общества основывается на значении порядка, власти и аристократии, при условии понимания этих условий в их высшем смысле. Согласно греческой этимологии, аристократия означает «правление лучших», что назначены таковыми в соответствии с духовными критериями. Когда мы говорим о власти, очевидно, что речь идёт о духовной власти, которую следует отличать от светской, и которая в каждом нормальном обществе признана затем, чтобы укрощать «волю к власти» политических вождей. Что касается порядка, его не нужно путать с жестокими репрессиями. Это, прежде всего, гармония общественного мира, фактор гармонизации различий, порождающий элемент коллективного равновесия, интеграционная сила и преодоление антагонизма, инструмент, который унифицирует общественное разделение и пресекает потенциальные конфликты.

При метаполитическом анализе современного христианства, необходимо различать три течения: «левое» христианство, «правое» антихристианство и фундаментализм. Мы только что назвали положительные характеристики последнего. Отрицательной его чертой является тот факт, что фундаментализм отвергает эзотерический аспект христианской доктрины и точку зрения на её связь с Изначальной Традицией.

Халатность и пренебрежение к эзотерической части христианства достигает полного согласия с оценкой его экзотерического призвания. Хотя фундаменталисты считают это авторитарное и аристократическое призвание знаменитым «церковным порядком», столь высоко ценимым Шарлем Моррасом¹⁴, которому Эрик Вартр посвятил важнейшую главу

¹¹ Аджорнаменто (итальян. *aggiornamento* – обновление) – тенденция развития современного неотомизма, ориентированная на ассимиляцию католической теологией новейших философских идей экзистенциализма, философской антропологии, герменевтики, феноменологии, а также лингвистической философии, неопозитивизма и, отчасти, кантианства и когнитивной психологии. Термин введен II Ватиканским собором (1962-1965), принявшим масштабную программу адаптации неотомизма к установкам современной культуры.

¹² Марсель Лефевр (Marcel-Francois Lefebvre, 1905-1991) — католический архиепископ, генеральный настоятель Конгрегации Святого Духа (CSSp) (1962-1968), основатель и генеральный настоятель Священнического братства св. Пия X (FSSPX).

¹³ Аббат Жорж де Нант – основатель «Лиги католической контрреформации», скончался во Франции на 86-м году жизни. Аббат де Нант был известен как убежденный противник II Ватиканского собора.

¹⁴ Шарль Моррас – французский публицист, критик, поэт. Член Французской Академии (1938-1945, лишен звания по решению Лионского суда как предатель родины).

своей книги **«Шарль Моррас: духовный путь»** (1978), — привилегия эзотеризма не несёт опасности возникновения сектантской и догматической исключительности, что может также претендовать на духовную монополию и презрение к другим традиционным религиям, несправедливо рассматриваемым как низшие. Генон напоминает в **«Очерках о христианском эзотеризме»** (стр.21): *«Исключительность неизбежно присуща любому эзотеризму как таковому»*. Что касается Эволы, он осуждает эту исключительность, которая приводит большинство католиков к тому, чтобы считать свою традицию *«единственным хранилищем истинного и совершенного откровения»*. Он добавляет: *«В данном случае речь идет не о «вере» и неверии, но о знании и неведении. Поэтому те из нынешних католиков, кто продолжают одержимо настаивать на догматической исключительности своей веры, подобны тем, кто упорствуют в отстаивании неких физических и астрономических концепций, содержащихся в Ветхом Завете и полностью опровергнутых в наши дни»* (**«Люди и руины»**, стр.139).

По крайней мере, исключительность фундаментализма последовательна, и реализуется, восставая против традиционных религиозных систем и подрывных тенденций протестантизма и марксизма. Но не таков случай сторонников «экуменизма»¹⁵, которые поняли, что, даже оставаясь непреклонными перед индуизмом и исламом, они заключают соглашение с протестантами. Этому низшему экуменизму следует противопоставить экуменизм высший, анагогический универсализм, основанный одновременно на радикальном отказе от всех форм подрывной деятельности и на оценке общего для всех традиционных религий доктринального фона, от греческой мифологии до индуизма, проходя через *«пустыню монотеизма»*.

Экуменизм учреждает современную форму «левого» христианства. Наиболее экстремистский его вариант — *«социальное христианство»*¹⁶, которое, основываясь на буквальном толковании некоторых фрагментов Священного Писания (особенно, Нагорной Проповеди), превращает послание Иисуса в буквальный эгалитаризм¹⁷. Из-за того, что он обещал

¹⁵ Экуменизм (греч. οἰκουμένη, обитаемый мир) — идеология всехристианского единства, *экуменическое движение* — движение за всемирное христианское единение, в более узком и общепринятом значении — движение за лучшее взаимопонимание и сотрудничество христианских конфессий.

¹⁶ Социальное христианство (Социальный евангелизм) направление в американском протестантизме. Возникло в 1848 г. в Великобритании на волне падения чартизма. У истоков британского социального христианства стояли Ф. Морис, Ч. Кингсли, Дж. Ладлоу. Социальное христианство широко распространилось в конце XIX - начале XX вв. в рабочих районах американского востока под влиянием баптистских и методистских проповедников. Базовая идея социального христианства — решение социальных и классовых конфликтов христианскими методами. Основателями социального христианства в США в 1889 г. стали видные деятели протестантизма: В. Глэдден, У. Д. Блисс, Ф. Пибоди, У. Раушенбуш, Л. Эббот, Г. Уорд. Несмотря на начальный конфликт между католицизмом и социальным христианством, ряд принципов последнего был включен в социальную доктрину современного католицизма.

¹⁷ Эгалитаризм (франц. égalitarisme, от égalité — равенство), мелкобуржуазная утопия, проповедующая всеобщую уравнильность как принцип организации обществ.

Царство Небесное всем «кротким» и «нищим духом», Иисус стал предшественником Маркса и коммунизма. Ослеплённые своими классовыми проблемами, сторонники «социального христианства» даже не догадывались о том, что «бедность» и «богатство», о которых говорилось в этих текстах, не должны быть поняты в своём материальном аспекте.

Некоторые правые, основываясь на подобной интерпретации, пришли к противоположному выводу. Поскольку христианство оценивает «нищих духом» как представителей «*Новой Школы*» (намёк на официального представителя культурного движения, известного во Франции как «новые правые»¹⁸), они, как правило, имеют тенденцию уподобляться глупцам, бунтующим против интеллекта. Так как христианство проповедует отречение и милосердие, необходимо отделять его от «воли к власти», этого «генетического шрама», что служит доказательством животного происхождения цивилизованного человека. Любопытная смесь свободомыслящего гуманизма, ницшеанского волюнтаризма и теории эволюции Дарвина, Новые Правые, рвутся к христианству во имя якобы концепции аристократического общества, которая, в конечном счёте, не более чем ещё одно идеологическое оправдание для хищной буржуазии. Одна из главных целей проводимой работы заключается в том, чтобы показать, что наряду со всеми остальными традиционными доктринами, христианство передаёт аристократизм духа, с одинаковой силой противостоя абсурдному эгалитаризму и всем формам прометеевского элитизма.

¹⁸ Новые правые – политическое движение, возникшее в 1969 г. во Франции, заявившее о своей приверженности правым («консервативным») ценностям. Ядром движения стала Группа по изучению европейской цивилизации (ГРЕСЕ), заметным участником которой был Ален де Бенуа.

ГЛАВА I

ДРЕВНИЙ РИМ В СРЕДНИЕ ВЕКА. УПАДОК РОМАНСКОГО МИРА.

Чтобы объяснить упадок романского мира и описать его связи с происхождением христианства, историки древнего мира разделились на два лагеря. Одни верили в **естественную смерть** римской цивилизации, другие придерживались мнения **исторического убийства**, совершённого христианством. Согласно знаменитой фразе Поля Валери о неизбежной гибели цивилизаций, в упадке Рима впервые показан результат международного ростовщичества и выражение исторического фатализма. Будучи далёкими от того, чтобы считать христианство разрушительной антиримской силой, первые видели в нём торжественное открытие, отправную точку нового цикла цивилизации. В отличие от них, вторые ставили христианство перед судом истории и обвиняли, среди прочего, в том, что оно «украло» у Запада «плоды древней цивилизации» (Ницше). Эта двойственность мнений отражена в хорошо известной фразе Андре Пиганьоля¹⁹, в которой последнее ясно разделяется автором: *«Римская цивилизация погибла не естественной смертью, она была убита»*.

Мнение об исторической вине христианства имело авторитетных защитников: от Эдварда Гиббона²⁰ до Луи Ружьера²¹, опередивших **антихриста** Ницше и Ренана Э.Марка Аврелия. Наименее нетерпимым из всех был автор труда **«Возникновение христианских учений»**. В своей фундаментальной работе Луи Ружьер попытался представить связи древнего мира и «изначального христианства» с точки зрения противопоставления, столь принудительного, сколь и несовместимого. Мы уже подчеркнули пределы его критики христианского явления и недочёты в изображении Запада в другом месте. Прежде чем вернуться к этой теме, мы предпочтём ненадолго остановиться на риске, который связан с использованием термина *«изначальное христианство»*.

Прилагательное «изначальный» двусмысленно. Во-первых, согласно его этимологии, оно подразумевает хронологический приоритет. Только в этом случае можно говорить об «изначальном христианстве», чтобы описать его происхождение. «Изначальный», в действительности, синоним «истинного». Но это также означает, что под давлением эволюционного предрассудка, изначальное состояние стали расценивать как состояние неполноценности, с началом которого произошёл «прогресс», эволюция. С этой точки зрения, увы, наиболее распространённой, «изначальное христианство» является инфантильной стадией Католической Церкви, что была высшим состоянием, до которого оно эволюционировало. Таковым является чувство восторга, которое такой нео-язычник как Луи Повель

¹⁹ Андре Пиганьоль (André Piganiol, 1883-1968) – французский историк и археолог, специалист по римской истории.

²⁰ Эдвард Гиббон – знаменитый английский историк, автор труда «История упадка и падения Римской империи».

²¹ Луи Ружьер – математик и писатель оккупационного периода.

испытывает по отношению к церковным учреждениям. Он возносит молитву о *«возвышенном усилии подавить христианское безумие»*. Сам Жозеф де Местр, который известен своей антиэволюционистской позицией, приносит воду на мельницу Повеля, когда провозглашает: *«Евангелие вне Церкви является ядом»*. Этот «взгляд на христианство как на яд» вошёл в лоно «антихристианской школы» новых правых.

На самом деле, хотя представление о внутренней "эволюции" возрождает доктрину, изначально ниспровергавшую "Церковный Порядок", христианство предъявляет доказательство некоего развития в самых разных направлениях и обновления различных тенденций, потенциально содержащихся в Евангелии. В тройственной схеме, которую Эвола противопоставляет знаменитому гегельянскому триадическому принципу «тезис–антитезис–синтез», изначально христианство соответствует фазе спонтанности, где оно в полной мере выражает потенциал своей доктрины. Просветительская работа Отцов Церкви представляет фазу проявления. Относительно заключительной фазы господства: это средневековый христианский мир, одновременно кульминационный момент экзотерического призвания Церкви и евангелической эзотерической доктрины, принадлежащей рыцарским орденам и орденам воинов–аскетов.

Фактическая враждебность некоторых правых к истокам христианства, говорит не только о неверной интерпретации, но также о заблуждениях относительно древних языческих представлений. Когда их считают не более чем упадочным внешним аспектом — гуманистическим, рационалистическим, эстетическим и эпикурейским, — по отношению к доктрине, которая выделяет нищету человека–грешника, объявляет первенство веры и демонстрирует презрение к удовольствиям этого мира, можно испытывать только неприязнь. Луи Ружьер, к примеру, рассматривает греко–латинский мир сквозь искажённую призму своего современного менталитета. Ружьер восхваляет Цельса²² как предшественника свободного познания. Автор **«Правдивого Слова»** нужен ему для оправдания своих собственных эмпирических и позитивистских теорий. Если христианство разрушило прекрасное здание римского язычества, то в первую очередь, как эгалитарная философия, породившая *«социальную революцию»* и вдохновившая *«реванш бедняков»*. Благодаря столь значительной деформации изначально христианства, существует марксизм, который неожиданно возник перед поколением новых правых. Благодаря элитизму древних городов, существует нынешняя капиталистическая буржуазия, которую он защищает. Ницшеанская *«воля к власти»* вводится в специфику западной души для оправдания перед мировой общественностью личных выгод рождения и предназначения.

Критика христианства Эвола редко свободна от общественных предрассудков. Однако давайте рассмотрим фрагменты, где он видит в христианской религии *«отчаянный и трагический путь к спасению»*,

²² Цельс — римский философ-платоник второй половине II века; один из самых известных античных критиков христианства.

«форму духовного отчаяния, где личности Мессии было суждено становиться козлом отпущения»²³. Некоторых фрагментов этого типа достаточно для того, чтобы сравнить Эволю с Ницше и Шпенглером и увидеть различие между хищническим аристократизмом обоих немецких философов. Но «эволианская» критика христианства в меньшей степени разделяет точку зрения **wille zur macht**²⁴, нежели точку зрения подлинной языческой духовности, согласно Традиции.

Язычество и христианство виделись Эволе как два косвенных проявления традиционной духовности. И если Эвола отдаёт предпочтение языческой духовности, — в особенности, римской, — то, прежде всего, как он пишет в **«Пути киновари»**, в виду сходства темперамента. Но это никогда не мешало ему свидетельствовать о христианстве с интеллектуальной честностью, свободной от псевдо-интеллектуальной диатрибы Новых Правых. Таким образом, в проблеме римского упадка, положение Эволы бесконечно более оправдано, чем положение Ружьера или Повеля. Эволе недостаточно каких-либо односторонних объяснений. Упадок Римского Духа — одновременно результат разлагающего действия христианства и продукт внутреннего ростовщичества Римской Империи. Жорж Сорель также полагал его **«Руины»** оправданием древности: «новая религия», «разделившая структуру древнего мира, разорвавшая связи, которые существовали между духовной и общественной жизнью» и «всюду посеявшая ростки квиетизма, отчаяния и смерти», «не дала новой мудрости старому устройству» римского общества.

²³ Известно, что подобную точку зрения разделял британский художник Уильям Хант, на одной из картин которого изображён козёл отпущения. Хант полагал, что козёл отпущения, служивший искупительной жертвой у древних израильтян, был прототипом жертвы Мессии, т.е. Христа. В фундаментальном труде Т. Гоббса, в главе «О миссии нашего Святого Спасителя», читаем: «По старому закону (как это можно прочесть в кн. Лев. 16) Господь требовал, чтобы каждый год один раз была принесена очистительная жертва за грехи всего Израиля, как священников, так и остальных его сынов. Для этого Аарон должен был приносить тельца в жертву за грехи — за себя и за священников. А за остальной народ он должен был получить от сынов израилевых двух козлят, из коих он должен был *принести в жертву* лишь одного. Что же касается другого, который был *козлом отпущения*, то Аарон должен был возложить обе руки на голову его и, исповедав над ним все беззакония народа, переложить их на голову козла, отослать его с нарочным в пустыню и *пустить* там, дабы он унес на себе все грехи народа. Подобно тому, как принесение в жертву одного козла было достаточным (потому что приемлемым для Бога) выкупом за грехи всего Израиля, точно так же и смерть Мессии является достаточной ценой за грехи человеческого рода, ибо больше этого Бог не требовал. Здесь как бы изображаются страдания нашего Спасителя Хряста, точно так же как в жертвоприношении Исаака и в других прообразах Христа в Ветхом завете. Ибо Он был одновременно и жертвенным козлом, и козлом отпущения: *Он истязуем был и страдал* (Ис. 53, 7) — *и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание и, как агнец перед стригущим его, безгласен, так Он не отверзал уст своих*. Тут Он является жертвенным козлом: *Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни* (ст. 4). И дальше (ст. 6): *Господь возложил на Него грехи всех нас*. Таким образом, Он здесь изображается козлом отпущения (ст. 8): *Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь* — здесь он опять является жертвенным козлом. И еще (ст. 11): *и грехи их на себе понесет*, он — *козел отпущения*. Агнец Божий, значит, равноценен этим козлам: Он принес себя в жертву своей смертью и явился козлом отпущения в своем воскресении, будучи вознесен своим Отцом и удален своим вознесением от обители людей.

²⁴ Нем. «воля к власти».

Эвола признаёт, что христианство развивалось на фоне упадка Римской Империи, на «фоне, который становился всё более трагичным, кровавым и беспощадным, в соответствии с его наступлением на павшую империю». Его разлагающему влиянию способствовал спад имперской функции, которая представляла тогда не более чем «тень себя самой» из-за работы «абсолютистской централизации и уравнивания», посредством которых цезари постепенно навязали римской ойкумене «бюрократическо-административную структуру без души». Христианство было воздвигнуто на руинах Римской Традиции. Его приход «стал возможным благодаря тому, что жизненные шансы римского героического цикла были исчерпаны, этого бы не произошло, если бы Дух Рима и его народа не был унижен (о чём свидетельствует провал попытки реставратора Императора Юлиана), если бы древние традиции не были забыты, и если бы в самый разгар этнического хаоса и космополитического распада имперский символ не был разрушен и сведён к простому выживанию в условиях глубокого беспорядка и разрушений».

Суждения Эволы, упомянутые выше, — это несколько аргументов **ad verecundiam**²⁵ в пользу двустороннего объяснения римского упадка. Эти аргументы имеют гораздо больше значения, поскольку, в виду духовной близости, Эвола приходит к очевидной оценке конца римского мира и, как следствие, к убеждению в разрушительной роли истоков христианства. Эвола также отмечает внутреннюю причину Римского упадка: истощение его героической воинской традиции. Распад Римской Империи зависел не только от бюрократической гипертрофии и материальной нищеты, в которой пребывали широкие слои населения. Если Жак Бенуа-Мешен²⁶ вспоминает, не без оснований, в своей самой прекрасной книге об Императоре Юлиане — «Гелиоса-Рею, побеждённого страданием», мы не можем объяснить падение Древнего Рима сугубо социальными мотивами. Представитель более сентиментального пути к божественному — христианство — направилось к победе на сумеречном фоне римской духовности, где героический идеал «безличной силы» остался лишь воспоминанием, и ослабевал в течение продолжительного времени собственного метафизического напряжения истоков язычества. Призыв к сентиментальности — главный упрёк, который Эвола предъявляет христианству в «**Восстании против современного мира**». Хотя в этой книге есть множество признаков субъективной честности, в целом она отмечена антихристианским характером в манере «**Языческого Империализма**», работы, ещё не переведённой на французский язык, текста молодого Эволы с ярко выраженным ницшеанским акцентом. Лишь намного позже, в таких зрелых работах, как «**Лики и маски современного спиритуализма**» или «**Люди и руины**», Эвола рассматривает изначальное христианство и его различные исторические события со всем необходимым спокойствием и в подлинной традиционалистской экзегезе.

²⁵ Лат. «к скромности».

²⁶ Жак Бенуа-Мешен — известный французский историк и писатель, автор серии романов о выдающихся личностях в истории человечества.

Тома Кутюр. Римляне времен упадка. 1847 г.

АНТИХРИСТИАНСТВО ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

Эвола увеличивает конфликт истоков христианства и древнего романского мира до более широкого, более общего антагонизма между «беспорядочными азиатскими культами» и «чисто олимпийским божественным идеалом», свободным от страсти, отстранённым от теллурического — материнского элемента. Прилагательное «азиатский» не должно пониматься здесь в широком смысле. Им, прежде всего, обозначено всё то, что относится к странам Восточного Средиземноморья. Эвола не заостряет внимание на противопоставлении Восток–Запад. Скорее, он подчёркивает контраст между «Светом Севера», связанным с индоевропейскими религиями и «Светом Юга», что связан с христианством, и к которому имеют отношение *«все типы мистико–пантеистических божеств», «являющихся символами Матери»*.

Описывая духовность, присущую «Свету Юга», Эвола настаивает на её беспорядочном характере, принимаемом за мифическую атмосферу по причине того, что в первую очередь она находит эхо в аффективной, эмоциональной и иррациональной части существа. Божественным становится «объект смутного вдохновения и душевного восторга». *«Иррациональная часть существа используется в качестве рычага и, вместо возвышения героического пути и посвящения в мудрость, в качестве фундаментального средства утверждается вера, импульс обеспокоенной души, беспорядочно направленной к сверхчувственному»*. Религия, происходящая из «Света Юга», христианство, ввело бы в западном мире галогенную духовность, основанную на аффектах, которая была бы противопоставлена интеллектуальному, типично индоевропейскому пути, подходу к трансцендентному.

На самом деле, интеллектуальные и аффективные пути не являются действительными критериями возникновения типологии религий и традиций. Все традиции предполагают одновременно два пути перехода к сверхчеловеку. Каждый из этих путей соответствует в доктринальной плоскости — **эзотерической доктрине** и **экзотеризму**, а в экзистенциальной — **инициации** и **вере**. **Эзотерическая доктрина** и **инициация** предназначены для избранных «людей знания», в высшем смысле этого термина, **экзотеризм** и **вера** — для массы тех, чья внутренняя жизнь, прежде всего, заключается в чувствах, а также для тех, кто видит в религии (от латинского глагола religare, означающего «связывать», «соединять») связующее звено между человеческим и божественным, фактор общественных отношений, нечто связывающее людей друг с другом. **Эзотерическая доктрина и инициация** — две составляющие любой метафизической доктрины в соответствующих плоскостях знания и внутренней реализации. Относительно **экзотеризма** и **веры**, утверждается, что они, строго говоря, составляют внешний (теоретический и экзистенциальный) аспект религии. Каждая традиция одновременно обладает метафизической и религиозной формой.

Если христианство, прежде всего, имеет экзотерическую форму — религиозную и привилегированную за счёт интеллекта, очевидно, оно

пребывает в надежде на то, что ему удастся приспособиться к условиям «тёмного века», когда большинство людей более не реагируют на эмоциональные соблазны, и где в перспективе «конца света» и циклического возрождения следует обеспечить максимальную надежду на искупление. Уточним, что здесь не может быть никакого подозрения в эгалитаризме, так как из-за множества призванных уже не появятся *«лишь немногие избранные»*. Впрочем, как мы подробно увидим в следующей главе, вопреки тому, что думает Эвола, существует специфически христианское посвящение и эзотерическая доктрина, обращённые к некоторым избранным индивидам, сохранившим в сердце «железного века» высшее предназначение разума и возможность достигать высшего мира только дорогой ума, за пределами всех биологических и эмоциональных обусловленностей. Юлиус Эвола допустил ошибку, написав, что *«всемирное христианство стало привилегированным и экзальтированным путём, истиной и позицией, подобающей человеку низшего типа или тем низшим слоям общества, для которых и были созданы эзотерические формы Традиции»*. Такие ошибки не могут объясняться только смешением, часто возникающим у Эволы, сущности христианской традиции со случайными изменениями, которые одновременно привели к состоянию крайнего упадка **Кали-юги** и желанию подготовить приход нового человечества.

Это смешение, как правило, основывается на эволианской убеждённости в христианском дуализме. В последнем Эвола видит «знамение времени», антитрадиционный фермент, разрыв с доктриной двух природ. Ему не удаётся увидеть больше, чем эпизодическое «прагматическое обоснование», которое могло быть *«жёсткой христианской оппозицией сверхъестественного порядка естественному»* в связи *«с особым, историческим и экзистенциальным положением данного человеческого типа»*. Обычно это формулируется как: *«Царство моё не от мира сего»* и, в сфере сугубо политической: *«Кесарю — кесарево, Богу — богово»*. Последняя фраза ставит проблему отношения между духовной властью и светской властью. Мы вернёмся к этому в разделе, посвящённом гибеллизму, несколько позже. Но давайте теперь установим, что несправедливо возлагать на христианство ответственность за разрыв с традиционным идеалом политической власти по божественному праву. **"Omnis potestas Deo"** ("Всякая власть исходит от Бога"): эта известная формула апостола Павла содержит зародыш гибеллинской концепции, согласно которой обладатель светской власти наделён правом духовного авторитета, как представитель Бога на земле. Этой концепции различающей два могущества, по-прежнему подтверждая их общий сверхъестественный источник, в средние века была противопоставлена гвельфская концепция, которая, учитывая евангельское противопоставление Бога и Кесаря, в совершенном согласии с августинианским дуализмом, жёстко их **разделяла**.

Разница между двумя элементами означает, что даже за ложными различиями признаётся общее происхождение и допускается их участие в том же порядке реальности. С другой стороны, **разделение** двух

элементов постулирует констатацию их **разнородности**. Традиционный дуализм — дуализм **различия**. Это доктрина двух природ и различий между метафизической природой и физической, что является не более чем её эманацией и отражением: *«Боги — бессмертные люди, люди — смертные боги»*. Эта классическая максима выражает преемственность, которая связывает материальный, ограниченный и преходящий мир с духовным, — миром под знаком вечности. Но параллельно с прогрессивным отдыхом от напряжения метафизических истоков, появляется идея, состоящая в том, что материальный мир представляет собой единственную реальность. Традиционный дуализм, подразумевающий первенство духовного, сменяет материалистический монизм, свойственный современному взгляду на мир, где духовность больше не упоминается как «суперструктура» биологических или экономических событий. В перспективе того, чтобы сохранить пламя традиционной духовности в эпоху упадка, где властвует материалистический монизм, христианство заменило высший различительный дуализм дуализмом сепаративным, что было бы абсурдно считать антитрадиционным, поскольку таковым является лишь материалистический монизм. Традиционный взгляд на мир существует с момента, как был признан иной порядок реальности, отличный от материального мира. Христианское подтверждение разрыва между материей и духом состояло в том, что оно сумело вызвать на римском упадочническом Западе исцеляющий шок, спасительную реакцию в смысле *сакрального*, которое в средние века станет проявляться в аспектах повседневной жизни.

УПАДОК ИСТОРИИ

Существует художественный или литературный процесс, посредством которого художник или писатель воспроизводит, в ограниченном масштабе, совокупность своей работы внутри себя самого. Наиболее известный пример — полотно Ван Эйка **«Чета Арнольфини»**, где присутствующее зеркало отражает саму картину несколько раз во всё меньшем масштабе. Многие писатели, романисты и драматурги пробовали применять эту технику в литературе: среди прочих мы приведём в пример Дидро, Новалиса, Пиранделло, Гельдерода, Жида и Моравиа. Возможно, более известным литературным примером будет роман **«Генрих фон Офтердинген»** Новалиса, где герой находит книгу, которая является лишь историей его собственного приключения.

Ян ван Эйк Портрет четы Арнольфини, 1434

Зеркало. Фрагмент

Имеется совершенная аналогия между этим процессом и историческим становлением, до той степени, в которой мы можем говорить об этой технике, применительно к истории. Действительно, глобальное развитие **Манвантары** (или цикла в широком смысле) отражается в форме, уменьшенной внутри каждого цикла цивилизации (или цикла в религиозном смысле). Так, по аналогии с общим историческим циклом современного человечества, индивидуальный исторический цикл западной цивилизации включает четыре этапа, которые точно соответствуют четырём векам: золотому, серебряному, бронзовому и железному.

Эвола и Генон солидарны в том, что начало упадка Запада следует искать в эпохе, где в соответствующих областях знаний и действий появляются эмпирико-аналитический метод и героизм, основанный на «воле к власти». Это эпоха гуманизма, в которую Запад порвал с традиционными знаниями и действиями, с идеалом мудрости, обоснованной синтетической интуицией, и с «волей к воле», характерными для героизма, основанного на духовности. Современные историки назвали эту эпоху «Ренессансом», поскольку полагали, что после нескольких столетий «тёмного средневековья», был возрождён древний взгляд на мир. В действительности он не привёл к восстановлению греко-римского **welstanchaung**²⁷, разве что в его упадочническом внешнем аспекте, весьма отдалённом от изначальной духовности, характеристики психической атмосферы, свойственной бронзовому веку, особенно в том, что касается прометеевского героизма.

В историческом развитии Запада железному веку, очевидно, соответствует нынешний период, в который торжествует эгалитаризм и материализм. Уже было сказано (и будет повторяться множество раз на протяжении всего нашего исследования) о новых правах, «Новой школе правых». Она была создана для борьбы с марксизмом, эгалитаристской и материалистической доктриной, интеллектуальной стратегией, сопоставимой с той, которую использовали гуманисты эпохи Возрождения против католического средневековья. Марксизм понимается как новый обскурантизм, против которого боролась «новая школа правых» ради

²⁷ Нем. «Мировоззрение».

восстановления истины. Но «истина» новых правых — это позитивистский гуманизм и прометеизм упадочнической древности и «ренессанса», «мировоззрение», в конечном итоге неспособное восстановить метафизическую напряжённость истоков, философия, которая из-за своих собственных недостатков и своего характера становится подрывной, антитрадиционной силой. Во всём это есть принцип «гетерогенности», теоретически сформулированный Ясперсом. Результат действия отличается (греч. **heteros**) от его намерения. В случае «новых правых» результат даже противоположен намерению, так как изначальная воля разрушает результаты и, в конце концов, укрепляет силы подрывной деятельности. Мы можем говорить об *антиогенезе* результатов (греч. **antios** — противоположный). Если мы говорим о направлении, которое приписывает правым Эвола, то «новые правые» не могут даже провозгласить подобное. Настоящие Правые имеют метафизические отношения («мобилизирующую силу мифа», как мог бы сказать Сорель) с изначальной духовностью и историческим отчётным периодом, в рамках западной цивилизации, воспроизводящим как можно более точную духовную атмосферу Золотого века. Для Эволы это архаический романский мир, для Генона — христианские средние века. За пределами этого расхождения, оба учителя интегрального традиционализма и истинных правых, по существу, выступают против гуманизма псевдо-правых, который из-за отсутствия радикализма, способствует, в конечном итоге, разрушительному антитрадиционному действию.

Разногласие между Эволой и Геноном относительно исторических сведений о подлинном европейском традиционализме, естественно, объясняется, по большей части, их разным подходом к христианской традиции. Для Эволы Золотой век Запада неоспоримо заключался в романском мире, даже если время от времени он и признаёт восстановительную роль христианства в духовном плане, и даже если он восхищается средними веками, он всё равно считает их не более чем неполным восстановлением, зависимым от присутствия христианской духовности, и настаивает на том, что её следует воспринимать как разрыв внутри самого мира Традиции. Одна из основных глав «**Восстания против современного мира**», в которой так много говорится о христианстве, не носит ли название «*Разрыв Западной Традиции*»?

РАЗРЫВ ИЛИ НЕПРЕРЫВНОСТЬ ЗАПАДНОЙ ТРАДИЦИИ

Рене Генон, напротив, считает, что между римской и христианской традициями, за пределами различий их проявления, имеется глубокая непрерывность. Он приводит разные доказательства, начиная с существования общего духовного центра, города Рима, выбор которого не был простым географическим совпадением. Он уточняет, что *«Папство изначально, уже в силу того, что Рим был столицей западного мира, обречено было быть «римским».* Он также подчёркивает передачу некоторых символов — например, ключей и барок, эмблем, присуждённых святому Петру, происходящих от Януса, — явление, которое светские историки принимают за дань католицизма Древнему Риму, в то время как они служат доказательством *«этой традиционной регулярности, без которой никакая доктрина не могла быть действительной, и что она постепенно восходит к великой изначальной традиции».* Отметим также, следуя Генону, восстановление благодаря папству титула **pontifex maximus** (лат. Верховный Понтифик), который был в Древнем Риме атрибутом **Императора**. Латинский термин «pontifex» буквально означает «строитель мостов». В соответствии с законами светской и духовной власти, римский Император, а затем *«Император Священной Римской Империи германской нации»* и христианский Папа наделены функцией возведения моста между людьми и Богом, установления связи между нижним миром и сверхмиром. Согласно этой идее, северное изречение гласит: *«Кто является вождём, тот будет нам мостом».*

Историческая преемственность Древнего Рима и христианского Рима, кроме того, процветала благодаря духовным преобразованиям. Рене Генон формален по этому поводу: *«Греко-латинская цивилизация должна была завершиться, и ситуации суждено было быть «исправленной» посредством других, внешних по отношению к греко-латинскому миру средств и в совершенно иной форме. Это преобразование осуществило Христианство. После бурного периода варварских вторжений, которых оказалось достаточно для того, чтобы завершить разрушение старого порядка, на несколько столетий возрождается нормальный строй. Ему соответствует период Средних веков, о которых наши современники, не способные осмыслить всю полноту интеллектуальности и духовности той эпохи, имеют настолько неверное представление, что полагают их более чуждыми и далекими от нас, чем классическая античность».* Для Генона не было никаких сомнений в том, что средневековый христианский мир являлся Золотым веком западной цивилизации и, следовательно, был исторической передачей европейского интегрального традиционализма, «мобилизующей силы мифа» подлинных правых, члены которых стремились к тому, чтобы снова встретить, через генонианскую мысль, традиционные принципы политики. Относительно романского мира, провалившегося, в конце концов, свою миссию, можно сказать, что он оставил после себя прекрасный традиционный архетип изначально солнечной духовности, воинский дух и имперский символ. Фактор связи между римским человеком и сверхмиром — римская религия — выродился в обыкновенный социальный фундамент, в обескровленный формализм, подчинённый императиву общественных

отношений, в суррогат государственной религии. Способ подхода к трансцендентному, воинское действие, деградировало до воли к власти и жажды материальных завоеваний. Параллельно произошёл переход от «вертикальной религии», объединявшей людей друг с другом с единственной целью поддержания общественного порядка. Древний героический идеал *mors triumphalis*²⁸ уступает место постыдным занятиям *magnum latrocinium*²⁹, декадентским идеям и, следовательно, современным войнам, где они становятся мотивом для грабежей, безнаказанных убийств и разнообразных проявлений бандитизма. В конце концов, имперская функция теряет «папский» смысл (в изначальном понимании этого термина), в то же время исчезают последние личности, имевшие право её воплотить, и во главе Империи возникают невыразительные люди, конкурирующие друг с другом в своей посредственности и низости: Нерон, Гальба, Вителлий и прочие, чьи портреты оставил нам Светоний.

Если резюмировать процесс, в течение которого Запад пал в бездну, мы получим после векового средневекового возрождения (Золотого века), упадок, неотъемлемый от прометеевского гуманизма (Бронзовый век) и тотальное стремление к материалистическому и эгалитарному хаосу (Железный век). Однако сомнительно, чтобы Запад пришёл без каких-либо переходов от эпохи высокой духовности (нооцентрическое мышление, сосредоточенное на духе) к эпохе виталистической восторженности (биоцентрическое мышление, ориентированное на «жизнь» и гипостаз физической природы). Развитие западной цивилизации не проходило через промежуточную фазу, духовная атмосфера которой была бы аналогична атмосфере Серебряного века, фазу, которая, даже без воспроизведения духовного совершенства истоков, всё равно была выше сумеречных эпох человечества, и являлась не больше, не меньше, помехой на пути виталистической инволюции и надёжным бастионом против подрывной деятельности.

В действительности, средневековое христианство имело одновременно собственную традицию в золотом веке и духовность, характерную для серебряного века. В нём сосуществовали два духовных потока, один из которых был связан посредством христианской эзотерической доктрины с изначальной Традицией, а другой, под формой экзотеризма, приспособлен к условиям конца цикла.

Для духовности Золотого века характерен синтез двух способов подхода к трансцендентному: гностический способ (который индуистская традиция называет «путём брахмана»), основанный на идеале знания, и героический способ («путь кшатрия»), основанный на идеале действия. Таким является одно из многочисленных проявлений Изначального Единства. Двум путям подхода к трансцендентному соответствуют два высших человеческих типа жреца и воина, истинная «раса духа» (Эвола), и то, что духовно отделяет их от обычных людей, сопоставимо с соматическими различиями (например, цвета кожи), подчёркнутыми

²⁸ Лат. «Триумфальная смерть».

²⁹ Лат. «Большая разбойничья шайка».

современным расизмом с биологическо-материалистическим основанием. Пытаясь выразить реальность двух этих человеческих типов на современном языке, Раймонд Абеллио³⁰ даёт искаженное толкование второго. «Человек знания» благодаря этому приобретает собственную виталистическую перспективу, в соответствии с понятием бронзового века в смысле духовного героизма, — концепции, где действие, согласно изначальному единству Золотого века, находится в постоянном симбиозе со знанием и вырождается в иррациональную, индивидуалистическую и беззаботную «волю к жизни».

Инволюция начинается с разрыва изначального синтеза. С того момента, отдельные знания и действия деградируют у каждой из сторон. Гностический способ открытия сверхмира заменяет более сентиментальный путь подхода к божественному, способ, который, в первую очередь, обращается к эмоциям и вере. Климент Александрийский справедливо отличает **ПИСТИКОВ** (тех, кто верят в Бога) от **ГНОСТИКОВ** (тех, кто знают, что Бог существует). Что касается героического пути, то он вырождается в «волю к власти». В течение некоторого времени преданность духовности остаётся доминирующей. Этот период, который соответствует Серебряному веку, мы можем назвать религиозным веком, в то время как Золотой век, прежде всего, был метафизической эпохой. Позже происходит «восстание кшатриев», коим отмечено начало Бронзового века, открывшего биоцентрическую эру, для которой характерно гораздо большее насилие; в это же время более эмансипированным становится любой масштаб трансцендентного и понимание его значимости снижается.

³⁰ Раймонд Абеллио (Raymond Abellio, наст. имя — Georges Soulès, 1907-1986) — французский писатель.

ДВА ТЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ

В средние века происходит пересечение двух параллельных духовных течений: одно из них — **традиционное**, в изначальном смысле этого термина, а именно, связанное с изначальной Традицией и духовностью, характерными для Золотого века, и второе — более специфическое, **католическое**, берущее начало в духовности, присущей Серебряному веку. Генон и Эвола оба признают сосуществование двух этих больших средневековых течений, но расходятся в том, что касается их связи. Эвола считает, что они **противостоят** друг другу. Генон полагает, что они поддерживают связь, не противостоят, а **дополняют** друг друга.

Генон видит в лице Святого Бернарда³¹ самое известное подтверждение средневекового выживания истоков духовности, упомянутых в его гностическом методе. Ссылаясь на великую фигуру аббата Клерво, он пишет: *«То, чего философы стремятся достичь кружными путями и словно на ощупь, он достигал непосредственно, при помощи интеллектуальной интуиции, без которой невозможна никакая интеллектуальная метафизика и вне которой можно уловить лишь тень правды»*. Как средство познания, «интеллектуальная интуиция»³² превосходит не только современную эмпирическую мысль, — «философию» (в самом глубоком значении этого слова), которой Генон намечает здесь пределы, — но и мистический экстаз. Последний означает состояние религиозной духовности, в то время как **intuitio intelectualis** служит доказательством метафизической духовности. Метафизический путь познания подразумевает, в соответствующих плоскостях доктрины и экзистенциального осуществления, эзотерическое учение и инициацию. Это было не только наследием отдельных индивидов. Оно также культивировалось в симбиозе с героическим путем действия в лоне больших рыцарских орденов и общин воинов-аскетов, которые были самым прекрасным цветением средневековой культуры, и в духовном родстве которых с эпохой католицизма, у Генона не было никаких сомнений. *«В средние века существовали организации, характер которых был инициатическим, а не религиозным, но основанием их являлся католицизм»*.

Взаимодополняемый характер отношений, союз традиционного и средневекового католического течений, воспринимается лишь при условии признания их общего истока в «изначальном христианстве» и рассмотрении его двойного аспекта вечной эзотерической доктрины и экзотерической информации, приспособленной как к современному менталитету, так и к историческим обстоятельствам. Это долгое время ускользало от Эволы, когда автор **«Восстания против современного**

³¹ Бернард Клервосский (Berar de Clairvaux) (1090-1153) – французский теолог-мистик, аббат монастыря в Клерво, оказывал влияние на церковно-политическую жизнь Западной Европы, был вдохновителем 2-го крестового похода.

³² Александр Дугин определяет «интеллектуальную интуицию» как «сверхрациональную способность проникать в те уровни реальности, где Чистое Бытие пребывает в единственности, неизменности, вечности и полноте».

мира» отрицал существование специфически христианской эзотерической доктрины и путал, по вине достойной сожаления интеллектуальной метонимии, часть христианства с традицией в целом, вместе с её социальной и исторической адаптацией. Параллельно с категорическим отрицанием всей христианской эзотерики, Эвола гипостатирует³³ эзотерической части христианства сущность самой христианской доктрины. В сложившихся условиях считалось нормальным, чтобы традиционное течение средних веков было принято Эволой как что-то внешнее в христианстве, происходящее из другого источника, и неспособного поддерживать с католическим течением ничего большего, чем противостояние.

К примеру, анализ рыцарства позволил Эволе *«установить, в какой степени фундаментальные вопросы евангельского христианства были преодолены, и в какой мере сопротивлявшаяся Церковь проявляла терпимость к союзу принципов, ценностей и обычаев, что были практически несовместимыми с истоками её духовности»*. В рыцарстве Юлиус Эвола видел попытку *«традиционной реконструкции в самом возвышенном смысле, подразумевая негласное превосходство или явное преодоление религиозной христианской духовности»*, работу по восстановлению героической духовности индоевропейского мира, (разрыв с которым был вызван «изначальным» христианством), возникшей из «Света Севера». Мы приведём здесь ещё один фрагмент, который, быть может, будет показательным: *«Выбирая в качестве идеала героя вместо святого, победителя вместо мученика; вкладывая всю ценность в верность и честь, а не в милосердие и смирение; считая лень, безразличие и стыд большими пороками, чем грех; не испытывая никакого почтения к тому закону, который гласит, что следует не противиться злу, но отвечать на него добром; требуя, скорее, наказания зла и воздания злом за зло; изгоняя из своих рядов всякого, кто буквально исполнял христианскую заповедь «Не убий»; принимая как принцип не любовь к врагу, а борьбу с ним и стремление к победе... Таким образом, рыцарство, почти без изменений, утверждало арийскую нордическую этику в этом мире, который лишь номинально оставался христианским»*.

В **«Ликах и масках современного спиритуализма»** Эвола меняет своё отношение к христианской эзотерической доктрине, допуская вероятность символического толкования Евангелий. В **«Восстании против современного мира»** он не признаёт традиционных элементов в католицизме. Но и здесь они всё ещё оставались присущими классическому романскому миру и, вне зависимости от их положительного влияния, никогда не допускали прекращения регрессивных тенденций католицизма, содержащихся в зародыше в «изначальном христианстве». Истоки христианства, с этой позиции, рассматривались как «имеющие ценность». Эвола значительно изменил свои взгляды. Конечно, оставалось некое неприятие внешнего аспекта, который превращал христианство в «трагическое учение о спасении», обращённое, в первую очередь, к

³³ Гипостатировать – спекулятивно приписывать объекту обладание личностью или самостоятельным бытием.

«человеческому типу, находящемуся на отчаянном пути к божественному». С другой стороны, некий внешний аспект католическо-христианской морали (смирение, милосердие) признаются превосходящими индивидуалистическую надменность, характерную для современного западного менталитета, и та же вера — этот «неясный и беспорядочный импульс», безоговорочно осуждённый в другое время — приобретает (как одна из форм восприятия трансцендентного) несомненное значение для «создания философии и светской культуры».

Эвола пересекается с Геноном в определении причин постсредневекового упадка христианского мира. Внешней причиной стало разлагающее действие протестантизма. Рене Генон осуждает реформированную религию, как начальный принцип «вольного исследования», вариант индивидуалистической экзегетической гордости, гуманистический интеллектуальный аспект «воли к власти». Эвола видит пример подрывной силы, торжествующей благодаря применению одного из наиболее эффективных психологических оружий «скрытой войны»: «использование индивидуальных слабостей вызванных обстоятельствами злоупотребления с намерением пренебречь доктриной; технология, состоящая в том, чтобы вызвать путаницу между сущностью и исполнением функций; обман, направленный на то, чтобы миновать кризис в системе посредством другого кризиса».

Что касается внутренней причины упадка христианства, ей стало постепенное «затемнение» его эзотерического сознания. Если это объясняет нежелание Генона, когда он, исследуя возможности традиционного возрождения Запада, задаётся вопросом о присутствии в лоне католической Церкви элементов, что одновременно заключают в себе смысл и верны своей традиции, то для Эволы только те личности, которые чётко осознают эзотерические аспекты христианства и твёрдо решают преодолеть «ограничения веры, преданности и всего, что характерно для обычного религиозного сознания», способны положить начало восстановлению христианской традиции, духовной революции на Западе. Только они в состоянии одержать победу истинной духовности в борьбе как против сильного влияния материализма, так и против стремительного потока «второй религиозности»³⁴ (Освальд Шпенглер), низшего спиритуализма, паразитирующего в наши дни на руинах Традиции.

³⁴ Согласно Шпенглеру, «вторая религиозность» есть одно из явлений, всегда сопровождающих конечные стадии цивилизации. «Таковы в целом «ситуационные» обстоятельства, коим мы обязаны распространением нео-спиритуализма, каковой, как мы уже отмечали в другом месте, носит черты того особого явления, которое Освальд Шпенглер назвал «второй религиозностью»; т.е. религиозностью, торжествующей не в период расцвета органической, качественной и духовной цивилизации и в центре её, но зарождающейся на обочине сумеречной, разлагающейся цивилизации, в частом случае, в тот период, который тот же Шпенглер определял как «закат Запада» (Юлиус Эвола «Лики и маски современного спиритуализма», перевод Виктории Ванюшкиной).

ГЛАВА II

АСПЕКТЫ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ХРИСТИАНСТВА

Непременным условием **реставрации** христианства является новое открытие его эзотерической доктрины и, в более широком смысле, всего, что за пределами его обычной религиозной формы имеет общий корень со всеми традициями. Основной причиной упадка христианства стала утрата сознания, — даже у его теоретически более квалифицированных хранителей, т.е. духовенства, — соответствующего изначальной Традиции. Эта потеря традиционного сознания, как правило, порождает путаницу между сущностью христианства и его адаптацией к случайным историческим обстоятельствам. Вышеупомянутая **hypostasis** (греч. «сущность») в истории религии превозносится как точка прохождения «абсолютного обновления», в то время как в действительности, это «обновление» довольно относительно и находится в тесной связи с условиями завершения цикла и, для глубокого понимания христианства, значения всех его элементов, неразрывно связанных с изначальной Традицией, не обладает никакой важностью.

Эвола прав, когда он пишет: «обновление» не должно пониматься лишь в плане частной адаптации доктрины, адаптации, которая является новой не более чем по отношению к экзистенциальным и историческим условиям; для благоразумного утверждения основного положения католицизма, нужно занять противоположную позицию: вместо того, чтобы настаивать на «обновлении» доктрины, как если бы это было неким преимуществом, необходимо подчёркивать её **Древность** и **Непрерывность**, показывая, насколько это возможно, всеохватность её глубинной сущности в высшей форме просвещения и символов, что являются действительно «католическими» (иными словами, универсальными)».

Как эхо этого фрагмента, мы воспроизводим в полном объёме страницу из книги Генона, которая заслуживает подробного комментария:

«Религиозная адаптация как факт совершенно другой традиционной формы являет собой, однако, проявление истинного духовного владычества, в наиболее совершенном смысле этого слова; и это владычество, проявляющееся внешне как религиозное, может быть одновременно совершенно иной вещью внутри себя, потому как где-то в глубине оно не утратило связь с Брахманами, под которыми в данной ситуации мы подразумеваем интеллектуальную элиту, что сохранила понимание своего нахождения за пределами любых частных форм, иными словами, осознание глубинной сущности Традиции. Для этой элиты форма способна играть лишь роль «опоры», но с другой стороны, она также является средством вовлечения в Традицию тех, кто не имеет доступа к чистой интеллектуальности; безусловно, эти люди не воспринимают ничего кроме формы, их собственные индивидуальные возможности не позволяют им двигаться дальше, вследствие чего духовное владычество проявляет

себя перед ними в той форме, которая соответствует их природе, таким образом, чтобы их образование, являющееся внешним, всегда вдохновлялось смыслом высшей доктрины. Однако если адаптация неизбежно реализуется, может произойти то, что люди, сохранившие эту традиционную форму, в итоге сами замкнутся в ней, утратив подлинное знание того, что пребывает за её пределами».

Эти линии включают всю проблематику упадка христианства. «Истинное духовное могущество» исчезло в лоне Церкви, описывающей себя как «католическую», но не имеющей никакой реальной «интеллектуальной элиты» способной одновременно адаптировать доктрину к обстоятельствам и сохранить её универсальное значение. Многочисленные представители христианской традиции, которые были «заключены» в пределах «религиозной адаптации», утратили глубинную сущность христианства (что также являлась сущностью других традиций) и любой контакт с изначальной Традицией даже теоретически, вплоть до утверждения «сектантской и догматической исключительности», посему можно говорить о том, что Эвола был прав в своих критических замечаниях. Изначальная Традиция абсолютно несовместима с идеалом «католичества», понимаемого в его этимологическом значении. Для упомянутых представителей христианство является не «традицией среди других традиций», но «Откровением в рамках традиции». Эта исключительность, полная новых притязаний — не меньшее зло, чем пренебрежение по отношению к другим традициям, объединённым под уничижительным ярлыком «язычников», добавляя категорический отказ от общего противостояния Подрывной деятельности. Таким является современный случай фундаментализма, который, даже находясь на значительном расстоянии от истинного экуменизма — экуменизма высшего, того, что вытекает из общей сущности всех доктрин, относящихся к изначальной Традиции, — также не является эффективной преградой против подрывной деятельности, в той степени, в какой его экзотерическо-общественная интерпретация христианства становится аристократическим и авторитарным посланием, а именно, некой традиционной формой.

Ранее упомянутая исключительность превращается в катастрофическую, когда, применяя силу по отношению к другим традиционным религиям, она сопровождается неприемлемой терпимостью к таким анти-традиционным учениям, как протестантизм или марксизм. Это приводит к падению в низший экуменизм, псевдо-универсализм гибридного характера, внедряющий в Традицию подрывные элементы, которые лишают её не только экзотерического измерения, но и существенно изменяют её экзотерическо-социальное устройство. Таково нынешнее «левое» христианство, которое, не удовлетворившись отрицанием какого-либо участия христианской традиции в Традиции Изначальной, как и «правый» фундаментализм, осуществляет свою деятельность посредством смешения анахронизма и буквализма, эгалитарной экзегезы Писания. Ассимиляция христианства с марксизмом буквально постулирует протестантский принцип «вольного исследования» священных текстов.

Таким образом, «левое» христианство представляет собой идеальный синтез двух звеньев цепи, что разрушает здание традиционного христианства. По отношению к традиционному и подлинно «католическому» христианству, это намного хуже, чем фундаментализм, который, не смотря ни на что, в виду своей аристократической и авторитарной интерпретации, остаётся, хотя и частично, в контакте с Традицией. **Реставрация** традиционного христианства по-прежнему возможна на основе фундаментализма, в то время как «левое» христианство соответствует современной необратимой субверсии, **и в силу самого этого факта**, обязано вступить в борьбу.

Как пример представителя христианской традиции, который оказался ограниченным экзотерическим воззрением, мы назовём кардинала Даниэлу³⁵, его случай более показателен, поскольку он является одним из лучших современных богословов. Его «оговорки» относительно Рене Генона и интегрального традиционализма позволяют представить ту бездну непонимания, что разверзлась между младшим духовенством и «старшими священнослужителями». *«Христианство одухотворено не каким-то метафизическим пониманием постоянных измерений человека»*, — утверждает кардинал Даниэлу. *«Оно происходит от вмешательства Бога в историю»*. «Непосредственное превосходство» христианства над другими религиями «заключается в самом воплощении Слова», в особенном Человеке, Иисусе Христе, Спасителе всего Человечества. Поэтому «библейские религии» и, в частности, христианство, являются не формами изначальной Традиции, а рождением чего-то нового». Давайте ещё раз повторим, что мы говорили об относительном обновлении. Христианство стремилось к утверждению религии воплощённого Слова в той степени, в какой исторические условия, свойственные начальной стадии **Кали-Юги**, нуждались в эффекте, оказанном на как можно большее количество людей, посредством события, что могло вызвать невероятное потрясение, — в первоначальном смысле этого термина, — дабы окончательно и бесповоротно предоставить человеческому роду путь освобождения, который лежал через искупление. В «таинстве Воплощения», таким образом, появляются три измерения экзотерической релятивизации: историческое, социальное и экзистенциальное. Вне зависимости от способов своей работы, эта релятивизация не оказала никакого влияния на высший смысл доктрины, её эзотерический смысл, неотделимый от изначальной Традиции. Среди этих способов, как было отмечено выше, можно назвать след, оставленный христианством в традиционной концепции двух природ, замену традиционного дуализма различия — сепаративным дуализмом, приспособленным к условиям железного века, где господствует преимущественно монистический материалистический менталитет. Упадочническому человечеству, смилившемуся с искушением материалистического монизма, следует вначале предложить существование **иного** мира за пределами материального, даже если кажется, что вновь провозглашённый дуализм на первом этапе противопоставляет два абсолютно разных мира, чтобы впоследствии представить высший дуализм, в согласии с которым материальный мир должен будет восприниматься как

³⁵ Жан Даниэлу (1905-1974) — французский католический богослов, библиист, историк Церкви.

эманация и отражение духовного мира, его несовершенный и преходящий образ. В более общем плане, релятивизация экзотерической доктрины заключается в её религиозном выражении. Генон настаивает: **религиозным** является лишь один внешний аспект **сакрального**, другой является **метафизическим**. В этом ключевое различие между «спасением», религиозным способом приближения к божественному, пути, что воодушевлён христианством и предназначен для «человека сломанного типа» (Эвола), утратившего смысл истинной интеллектуальности, и «освобождением», метафизическим идеалом «достижения высшего и необусловленного состояния», когда все ограничения, присущие материалистической части существа, были преодолены.

ХРИСТИАНСТВО: ОБНОВЛЕНИЕ И НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Христианство разделило с другими традициями некоторое число мифов, символов и образов. Мы уже назвали миф о **Золотом веке**³⁶ (или **Рая**) — общий для библейской религии и индуизма, эхо которого также находимо у Гесиода и Вергилия. Также мы указали на символический титул **Pontifex** (буквально «Строитель Мостов»), принятый как у римских императоров, так и у христианских Пап. Генон напоминает, что *«символически Понтифик есть тот, кто выполняет функцию посредника, устанавливающего связь между этим миром и высшими мирами. В связи с этим, радуга, «небесный мост», является естественным символом «понтификата», поэтому все традиции придают ей сходные значения: так, у евреев она — залог завета между Богом и его народом, в Китае — символ союза Неба и Земли, в Греции она олицетворяется Иридой, «вестницей Богов», и почти везде, у скандинавов, персов и в Центральной Африке и Северной Америке, она представляется мостом, связующим чувственный и сверхчувственный миры»*. Следует добавить, что индусский **Tirthamkara**³⁷ (буквально «создатель брода или моста») — точный эквивалент латинского Pontifex. Мост является ничем иным, как путём Освобождения. **Tirthamkaras**³⁸ двадцать четыре, как старцев Апокалипсиса. Позже мы вернёмся к традиционным соответствиям числового символизма.

Мы могли бы привести много подобных примеров. В книге, написанной вскоре после смерти Генона, но недавно переизданной, во введении в философскую мысль Генона, Поль Серан приводит несколько других. Например, он устанавливает аналогию между Христом, человеком, в котором объединены две природы, божественная и человеческая, и Джен (Человеком), который в Большой Триграмме³⁹ исполняет роль посредника между «Небом» (**Тянь**) и «Землёй» (**Ти**). Генон связывает это с высшим смыслом евангельской фразы: *«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»*. И Генон комментирует: *«Слово в себе самом и, как следствие, «Универсальный Человек», ему тождественный, пребывают за пределами различения «Неба» и «Земли»; так, он вечно остается таким, какой есть, во всей полноте бытия, в то время как любое проявление и различие*

³⁶ В произведении «Труды и дни» Гесиода, строго говоря, фигурирует не «золотой век», а «золотой род». Aurea saecula впервые появляется в «Энеиде» Вергилия.

³⁷ ТИРТХАНКАРА (санскр. tirthamkara, на языке ардхамаради titthagara, букв. «создатель брода», в позднейшей интерпретации «создатель церкви») — в джайнской мифологии титул вероучителей джайнизма, основных персонажей мифо-исторического комплекса. За каждый полуоборот колеса времени в кармовых землях (землях, где кормятся трудом и где действует закон кармы) появляются 24 Т. Пять благих моментов в жизни Т. (зачатие, рождение, уход от мира, обретение абсолютного знания и конечное освобождение) происходят всегда (кроме жизни Махавиры) под одним лунным созвездием (накшатра) и сопровождаются чудесными явлениями. Матери Т. при зачатии видят 14 (у шветамбаров) и 16 (у дигамбаров) вещих снов. Новорождённого Т. боги забирают у матери, погрузив её в глубокий сон и подложив ей копию ребёнка, и уносят на гору Мандару, где совершается церемония посвящения Т. Наиболее подробно в джайнской литературе описывается житие Махавиры. Жития остальных Т., как правило, изображаются по той же схеме. (Лит.: Терентьев А. А., Некоторые основы джайнской мифологии, в сб.: Проблемы изучения и критики религий Востока, Л., 1979).

³⁸ Форма множественного числа от Tirthamakara в испанском языке.

³⁹ Сан-t'sai — три силы природы.

(т.е. всякий порядок случайных существований) исчезают в полной «трансформации».

Интеграция христианского символизма в великий традиционный эзотерический ансамбль предполагает не только восприятие соответствия значений. Каждый символ, каждый образ, каждый миф есть опора идеи, так же приводимой к идее **Праздника тела Христова**, которая основана на традиционном мировоззрении, едином и универсальном для всех религий, что конкретизированы во времени и пространстве. Преодоление христианского экзотеризма и открытие эзотерических аспектов христианства, переход от **Shariyah**⁴⁰ к **Haqiqah**⁴¹, если использовать исламскую терминологию, постулирует, кроме выявления соответствия значений, создание совпадения значений. Например, недостаточно будет просто отметить непрерывность мифа об Эдеме; необходимо связать его с традиционной метафизической историей, с этим циклическим воззрением, которое одновременно является пессимистическим и активным, разделяемым всеми традициями, с этой инволюционной концепцией, однако, сочетающей в себе постоянную тьму упадка с перспективой искупления в новом цикле.

Символ **«хождения по водам»** — типичный пример символа приводимого нами не только для того, чтобы сблизить значения, но также для их сравнения и конечной интеграции в традиционное **Weltanschauung**. Генон утверждает, что Вишну назван **Нараяной**, *«Движущимся над Водами»*, и что *«сближение с Евангелием выявляется именно там, где Христос идёт по воде»*. Он добавляет, что в индуистской традиции, завоевание *«Великого Мира»*, союз с *«Покоем»*, обладание *«собой во всей полноте»*, т.е., в конце концов, внутренняя реализация, *«часто бывают изображены как плавание»*⁴². Почти неизбежно вспоминаются Аргонавты и лодка, которая в христианском символизме представляет Церковь, кроме того, открытие внутреннего духовного центра нередко рассматривают как героическое приключение, которое не обязательно происходит на море (**Поиски Священного Грааля**, исламская доктрина «великой священной войны», **Бхагавад Гита**). Во всех традициях, где появляется «хождение по водам» посреди «моря страстей», острова остаются неизменными среди непрерывного волнения волн. Евангельские образы, равно как и другой традиционный символизм, относятся к универсальной доктрине, которая учит реализации Существа через постоянное метафизическое напряжение к внутреннему единству за пределами разнообразия материальных инстинктов, аффективных импульсов и всех бесформенных биологических проявлений.

⁴⁰ Шариат (араб. шариа, букв. — надлежащий путь) — это первая ступень суфийской практики.

⁴¹ Хакикат — наивысшая ступень духовного восхождения в суфизме.

⁴² В главе 8 труда «Духовное владычество и мирская власть» Генон пишет, что «по сути, символическое плавание представляет собой завоевание «великого мира».

Иван Айвазовский. Хождение по водам

Сейчас мы значительно поднялись над сентиментальной мистической путаницей и жестким дуализмом, в котором молодой Эвола упрекал христианство. Тройное различие **Тело–Душа–Дух**, основа традиционного взгляда на человека, присутствует в христианстве, особенно в ранних текстах, Посланиях апостола Павла к фессалоникийцам и Коринфянам. Заповедь «прославления Бога во плоти» является противоположностью внутренней атаки, которую христианство направило на плоть человеческую. Апостол Павел говорил, что человек — одновременно тело, душа и дух, и что человеческое тело есть богоявление души и храм Святого Духа. Переход между духом и телом, душа — опора метафизического напряжения, которое первое подразумевает во втором. Вместилище импульсов, посредством которых мы признаём союз, объединяющий нас с биологическо–материальной сферой, является также рычагом духовного напряжения. Ношение следа этих экзистенциальных поисков высшего мира, признаков, которые по самой своей природе выходят за рамки импульсов простой возбудимости, чья организация в соответствии со стилем поведения и действия является основой того, что Эвола называет «расой духа», «расой души», в высшем **ноопсихическом** смысле этого слова, а не в низшем, **биоопсихическом** значении души, мыслимой как источник аффективного рассеивания.

ИНТЕГРАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО СИМВОЛИЗМА

Немного ранее мы упоминали понятие «духовного центра» во внутреннем смысле этого термина, то есть, ядра личности, которое каждый должен стремиться открыть за пределами случайных зовов плоти, то важное, что мусульмане называют «великой священной войной»⁴³, противопоставляя её «малой священной войне», которая ведётся на внешней стороне против врагов родины; но также существует внешний смысл понятия «духовного центра». Тогда говорится о месте, где возникла данная традиция: Рим, Мекка, Иерусалим.

Различные духовные центры, в которых появлялись различные религиозные традиции, зачастую были не более чем отражениями во времени и пространстве великого универсального центра Изначальной Традиции, где пребывает «Царь Мира», о котором, ещё прежде Генона, упоминал Жозеф Александр Сент-Ив Д'Альвейдр⁴⁴ в своей книге **«Миссия индийцев»**. Этот «Центр Мира» называется **Агартха**, также известный в христианском средневековье как царство пресвитера Иоанна, и его «двухцентральная структура» отражается во всех исторических и географических духовных центрах, которые он производит. Теперь мы всецело перейдём к числовому символизму, эзотерическому значению чисел, и как напоминает историк христианского искусства, «утилитарный символ всегда скрывает таинственный смысл и всегда точен как полученные нами сообщения первых веков». Мы ограничимся изучением символического смысла чисел 12 и 13.

⁴³ Об исламской традиции Эвола пишет, в частности, в «Арийской доктрине борьбы и победы» (*La dottrina ariana di lotta e vittoria, 1970 Речь на конференции в «Институте кайзера Вильгельма», Палаццо Дзуккари, Рим, 7 декабря 1940 г.*): «Исламская традиция займет здесь место традиции арио-иранской. Концепция «священной войны» и, по меньшей мере, в том, что касается исследуемых здесь идей, пришла к арабским племенам из вселенной иранской мысли. Таким образом, в исламской традиции присутствует элемент некоего позднейшего возрождения примордиальной арийской традиции, и с этой точки зрения она может быть несомненно нами использована. Предполагается, что в этой традиции различают, по сути, две «священные войны», а именно – «великую» и «малую» священную войну. Такое различие базируется на словах Пророка, который по возвращении из военного похода сказал: *«Мы вернулись с малой священной войны на великую священную войну»*. В данном контексте великая священная война имеет духовный статус. Малая же священная война, напротив, является борьбой физической, материальной – войной, проходящей во внешнем мире. Великая священная война – это борьба человека со своими собственными врагами, с теми, что пребывают в нем самом. Точнее, это борьба сверхчеловеческого элемента в человеке со всем инстинктивным, привязанным к страстям, хаотичным, подчиненным силам природы. В точности та же идея присутствует в «Бхагавад-Гите», этом великом древнем трактате арийской воинской мудрости: *«Познав То, что выше разума, покорив низшее «я» высшим «Я», порази, о могучерукий, труднопобедимого врага в образе вождения»*». Обязательным условием для внутреннего освобождения является полное и окончательное уничтожение противника. В контексте героической традиции такая малая священная война, т.е. война как внешняя борьба, служит исключительно средством для реализации войны великой. По этой причине в текстах «священная война» и «путь к Богу» зачастую являются синонимами.

⁴⁴ Жозеф Александр Сент-Ив Д'Альвейдр – французский оккультист, являлся последователем Антуана Фабра Д'Оливе, оказал значительное влияние на Папюса и Станисласа де Гуайта. В 1880 получил титул маркиза д'Альвейдр. Поклонник Наполеона. Основатель «синархии». Впервые употребил название Агарта.

Сент-Ив Д'Альвейдр утверждает, что "окружность, стоящая выше всего и ближе всего подходящая к таинственному центру, состоит из двенадцати делений, которыми представлена высшая инициация и которые, кроме всего прочего, соответствуют Зодиак". Генон комментирует: «Именно этот круг воспроизводится так называемым «Круговым советом» **Далай-Ламы**, состоящим из двенадцати великих Нашманов, а отголоски этого понятия встречаются и в некоторых западных традициях, — достаточно вспомнить о «Рыцарях Круглого Стола». Добавим также, что двенадцать членов внутреннего круга Агартхи, с точки зрения космического порядка, представляют собой не только двенадцать знаков зодиака, но и двенадцать **Адितьев**, а именно форм Солнца, которые соотносятся с этими зодиакальными знаками, и это очевидно, поскольку Ману Вайвасвата называется «сыном Солнца», «Царем Мира», и одной из его эмблем является солнце. Именно её приписывает Христу католическая литургия, называя его «Солнцем справедливости», **Sol Justitiae**; Слово в действительности является «Духовным Солнцем», т. е. истинным «Центром Мира»; не будем забывать, что это выражение — *Sol Justitiae* — применяется также и к Мельхиседеку. Изображение Солнца с двенадцатью лучами можно рассматривать как образ двенадцати Адитьев; однако, когда Солнце служит образом Христа, те же лучи уподобляются двенадцати апостолам (греч. "**apostolos**" означает "посланник") Кроме того, само число апостолов служит, помимо всего прочего, отличным подтверждением соответствия между Христианством и изначальной Традицией».

Что касается древнего символизма числа три, в связи с католическим учением о Троице, нам не остаётся ничего лучшего, как воспроизвести следующий фрагмент одной из наших статей: «Черты последней (языческой духовности) многообразны в лоне римской католической Церкви. Нам следует сказать о них. Давайте вспомним лишь, к примеру, Троицу, остатки гомеровской космогонии — «всё разделяется на три», — сказал известный греческий поэт, — отражение священной Арийской триады, выжившая индуистская доктрина Тримурти или венки с тремя образами друидов. Понятие «Бог в трёх лицах» или «Единый в Трёх Лицах» также свойственно для скандинавской мифологии (Один, Лодур, Хенир) и египетской религии».

Наше обращение к данной статье не означает, что мы всё ещё придерживаемся точки зрения, которую в ней развиваем. На момент написания статьи, мы были ограничены, с одной стороны, памятью о воспитании и требованиями темперамента, которые привели нас к христианству, а с другой, сопряженным влиянием **«Восстания против современного мира»** и публикациями «новой школы» правых. Всё это было своего рода критическим приговором, объявленным «изначальному христианству», которое представлялось противоположностью «европейского гения». Иным было восхваление католицизма на основе так называемых «следов языческой духовности», в которой заключалась специфика Запада. Несмотря на повсеместное благотворное использование символизма троицы, ранее упомянутый перенос напрочь

избавлял от неявного историзма, абсолютно не совместимого с идеей изначального высшего традиционализма и, что касается собственного внутреннего развития христианства, с утверждением эволюционистских предрассудков, приумноженных исключительно социологической концепцией роли религии. Обладая «развивающимся» направлением, благоприятным для общественного порядка, католицизм возвышался теми, кто, отрицая «изначальное христианство» в его наиболее глубоком значении, уничтожили его духовную основу. Так католицизм, равно как рыцарство, течение воинов-аскетов Средних веков и политически мыслящие гибеллины, был продуктом разложения раннего христианства и, по причине этого случайного исторического контингента, одной из форм выражения абсолютной Традиции, которая выходит за рамки принятых категорий пространства и времени.

ДВУЦЕНТРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ

«Крест стоит, пока вращается мир»⁴⁵, таков девиз монашеского Ордена картезианцев. Определённо, крест символизирует «Ось мира». **Axis mundi** — духовный центр вселенной, её неподвижный двигатель, используя знаменитую формулу Аристотеля, сила, которая управляет универсальным движением, не принимая в нём участия. Существует «символизм креста», которому Генон посвятил одну из величайших работ. Когда христиане сотворяют крестное значение, они вспоминают не только две деревянных перекладины, на которых был распят Христос, — посредством этого символического жеста они устанавливают связь с изначальной Традицией; не только христианство использовало этот ключевой символ, но и многие другие религии включили его в своё учение в качестве основополагающего аспекта.

Рене Генон пишет: *«Большинство традиционных доктрин используют в качестве символа реализации «Универсального Человека» один и тот же знак, ибо, как мы сказали ранее, он принадлежит к символике, которая непосредственно восходит к изначальной Традиции: это знак креста, очень точно выражающий способ, с помощью которого достигается эта реализация — через соединение в совершенную целостность состояний сущего, приведённых к гармоничной иерархии, во всеобъемлющем развертывании в обоих направлениях — «расширения» и «возвышения».* Генон уточняет, что условия «расширения» и «возвышения» заимствованы из исламской эзотерической доктрины. Необходимо определить значение и, следовательно, понятие «Универсального Человека», о котором также рассказывается в древних персидских текстах (Вохуман⁴⁶), также как и в даосизме (Джен, посредник между Небом и Землёй в Великой Триаде).

Расширение в горизонтальном смысле «широты» — это *«полное расширение индивида, взятое как основа реализации; расширение, состоящее в неограниченном развитии совокупности возможностей, подчиненных особым условиям проявления».* Таким образом, оно относится к биопсихической части существа. И по этой причине не может являться самоцелью. Оно должно осуществляться в совершенной гармонии с развитием в горизонтальном направлении «возвышения». Всё это согласуется с тем, что Эвола называет «Абсолютным Человеком». Мы остановимся для того, чтобы подчеркнуть фундаментальное различие, что отделяет Индивидуальность от Личности. Способы первой — биопсихические способы, исключительно горизонтальное расширение которых не может быть достаточным для того, кто желает достигнуть расширения «Универсального Человека». Для того чтобы осуществление в смысле «широты» не было ограничено простым индивидуализмом, основанном на «воли к власти», сами биопсихические способы должны быть ранжированы. Они должны благоприятствовать, в горизонтальном

⁴⁵ Лат. Stat crux dum volvitur orbis.

⁴⁶ Вохуман — «Благая Мысль», позднее произношение имени Бессмертного Святого Воху Мано (также: БахМан). Вохуман был первым, кто явился в откровении пророку Заратуштре, дабы проводить его к Ахура Мазде.

расширении индивидуальности, «возвышению» в эзотерическом смысле этого понятия, духовному подъёму, который постулируется последовательной организацией биопсихического разнообразия доминирующим принципом внутреннего единства.

Адам Кадмон

Подобно тому, как мы обнаружили эхо числового символизма Дюжины, начиная от двенадцати рыцарей Круглого стола, переходя к двенадцати Апостолам и двенадцати греческим богам Олимпа, пространственный символизм креста представляет интеграцию внутреннего осуществления в «Универсальном Человеке», который одновременно является Христом, пророком исламской традиции, Адамом Кадмоном еврейской каббалы и «Царём» дальневосточной традиции⁴⁷. В силу традиционной аналогии между макрокосмом и микрокосмом, это совершенно не противоречит метафизическому символизму креста, но напротив, завершает интерпретацию в соответствии с девизом монашеского Ордена картезианцев. Действительно, полное расширение «Универсального Человека» в двух направлениях пространства является человеческим микрокосмом, Axis mundi мирового макрокосма. Полная реализация человека состоит из точнейшего открытия духовной оси,

⁴⁷ Wang (в Дао дэ Цзин). В «Восстании против современного мира» Эволи читаем: «Согласно дальневосточной Традиции, царь, «сын неба» – t'ien-tze – то есть тот, кто родился на как обычный смертный, обладает «небесными полномочиями», t'ien-ming, в чем также выражена идея реальной сверхъестественной силы. Укорененный в подобной силе или «добродетели», верховный правитель, **wang**, в древнем Китае обладал высшей функцией центра, третьей власти между небом и землей.

центрального ядра личности, которое станет управлять движением индивидуальности, не принимая в ней духовного участия, чтобы оставаться «неподвижным двигателем» души и тела.

Для того, что завершить настоящее рассуждение, нам остаётся лишь воскресить в памяти один известный случай использования универсального символизма креста в сравнительно недавнее время. Речь идёт о Свастике, древнем и извечном символе, следы которого находят даже у аборигенов Америки, что, вне всяких сомнений, имеют связь с изначальной Традицией; национал-социализм, полностью игнорируя универсальное значение этого символа, превратил его в эмблему так называемого превосходства «арийской расы»; подобная опасность сегодня угрожает символу «кельтского креста», который был регенерирован новым европейским национализмом. Как символ европейского единства, кельтский крест, безусловно, был так же законно унаследован как языческими, так и политическими воззрениями. Кельты действительно распространились по всей Европе от Испании до Чехии. Кельтская ветвь видна даже на Ближнем Востоке. Профессор Jacques Baugé-Prévost избегает называть того же Иисуса «Кельтом из Галелеи», тем самым подтверждая кельтское происхождение европейских народов? «Кельтский крест» является легитимным символом национализма, открытого на христианском Западе, новой идеологии и высокого интереса, что противопоставляет либерализму и марксизму идеал Европы, задуманный как единство цивилизации, нежели как конгломерат наций в узком смысле, всегда готовых применять меры друг против друга. Однако следует быть осторожным, чтобы не принять национальный партикуляризм за партикуляризм европейский, даже на основе общей культуры, а не чистой биологии, расы, что является точным эквивалентом того, что в сфере индивидуальной реализации называют «расширением».

Европейский национализм также должен быть воспринят вертикально, в универсальном смысле, добавляя к нему необходимое восприятие биологических, расовых и культурных различий, чёткое и обязательное создание духовной Иерархии. Лишь духовные различия имеют абсолютное и универсальное значение, и в силу этого факта служат основой для создания иерархии. В качестве примера мы скажем, что с традиционной точки зрения в цивилизации средневекового христианского Запада дух коллективизма, который связывает европейского рыцаря с его японским эквивалентом, Самураем, важно не только расовое различие, что их разделяет, но, прежде всего, то этническое и культурное сообщество, которое связывает того же рыцаря с европейским буржуа и рабом. Одновременно с этим открытием иерархии (в возрастающем порядке значимости: биологическое сообщество, культурное сообщество и сообщество духа, — согласно традиционной троичной классификации человека), новый европейский национализм вновь должен обрести универсальное значение его символа, «кельтского креста», две перпендикулярные перекладки которого представляют двойное горизонтальное и вертикальное осуществление европейского сообщества,

и круг, что отражает всю полноту бытия как результат этого двойного осуществления.

ХРИСТОС: ЦАРЬ, СВЯЩЕННИК И ПРОРОК

Одно из самых значительных символических событий христианской традиции, несомненно, история трёх «Волхвов» пришедших с Востока», чтобы почтить Иисуса и поднести ему «золото, ладан и мирру». Нужно прежде всего отметить, что один из этих царей носил имя **Мельхиор** (букв. на иврите «Царь Света»), корень которого тот же, что у **Мельхиседека**⁴⁸. Рене Генон замечает в связи с этим: «это имя того персонажа, который выполняет функцию «Царя Мира» в иудео-христианской традиции». У этого имени есть положительная связь с высшим духовным центром, Агартхой. Кроме того, Генон добавляет: «Иудео-христианская традиция различает два вида священства — «по чину Аарона»⁴⁹ и «по чину Мелхиседека», причем второе настолько же выше первого, насколько Мелхиседек выше Авраама, рождённого из колена Левия и, таким образом, из рода Аарона».

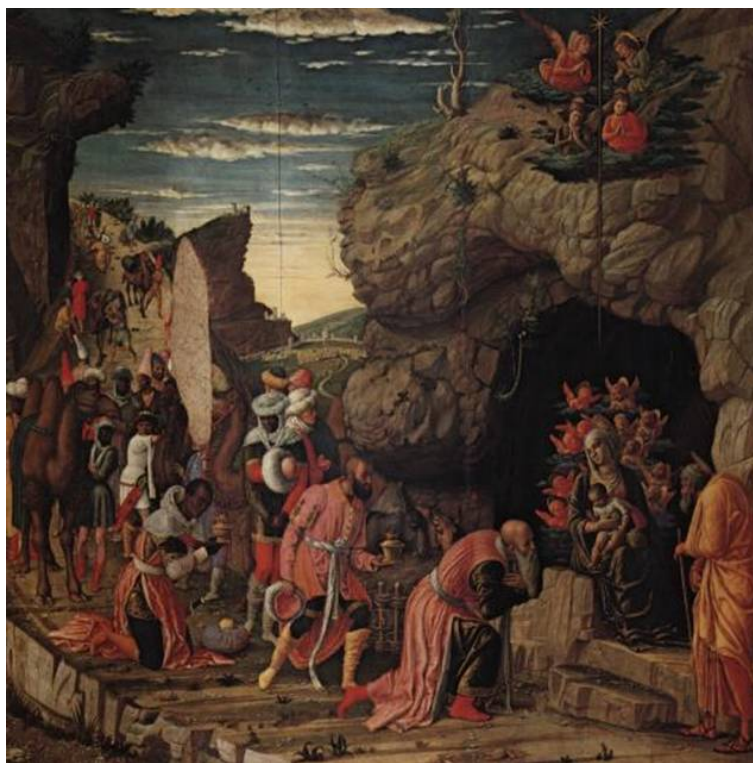
Превосходство «по чину Мельхиседека» над Аароном заключается в том, что Мельхиседек есть «Господин Мира и Справедливости», наделённый царской и священнической властью, одновременно являясь царём и священником. Мир и Справедливость соответствуют идеалам духовной и светской власти. Христианское священничество отождествляется со священничеством самого Мельхиседека, следуя сказанному Христом в одном из псалмов: «Ты священник вовек по чину Мельхиседека»; нужно связывать с этим тот факт, что Христос был рождён в царском колене Иуды, а не в священническом колене Левия.

Из этого следует, что Христос есть Царь и Священник, но также Пророк, так как Пророком является тот, кто наделён полномочиями светской или царской власти (соответствующей горизонтальной реализации, что была упомянута нами в анализе символизма креста) и духовной или священнической власти (соответствующей вертикальному расширению). Таким образом, достоинство Христа — это достоинство «Универсального Человека», которого мусульмане называют просто «Пророком». Этим превосходством Христос наделён от рождения посланниками Агартхи, что являются «Волхвами», следовательно, Христос представляет «Царя Мира», а христианство является совершенным ортодоксальным проявлением Изначальной Традиции. О «Волхвах» Генон пишет: «Маханга преподносит Христу золото и называет его «Царем»; Махатма одаривает его благовониями и приветствует как «Священника», наконец, Брахатма подносит ему смиру (бальзам бессмертия), величая «Пророком» или «Духовным учителем». Знаки почтения, оказываемые младенцу-Христу во всех трех мирах тремя полномочными представителями Изначальной Традиции, в то же время являются, как

⁴⁸ Мельхиседек (МелкиЦедек) — «царь правды». В некоторых апокрифических текстах и талмудических трактатах Мельхиседек отождествляется со старшим сыном патриарха Ноя и родоначальником семитских народов Симом. Согласно традиционному взгляду, Мельхиседек является персонификацией Царя Мира, о чём мы можем прочесть в одноимённой работе Рене Генона.

⁴⁹ Аарон (אַהֲרֹן, Ахарон) — согласно Библии брат и ближайший сподвижник Моисея, первый еврейский первосвященник.

несложно заметить, залогом совершенного соответствия христианства с этой Традицией».

Андреа Мантенья. **Поклонение волхвов** (1464)

ХРИСТИАНСКАЯ ИНИЦИАЦИЯ

Доктрина не может быть признана традиционной в высшем смысле этого слова, если наряду с метафизическим символизмом она не предлагает инициатический путь, который в технической и экспериментальной сфере является тем, чем эзотерическая доктрина является в сфере теоретической. Для Генона нет никакого сомнения в том, что *«христианская Церковь в первые века своего существования была закрытой или полузакрытой организацией, куда допускались не все желающие, но лишь те, кто соответствовали необходимым критериям для получения особой «христической» инициации»*.

Генон не отрицает, что таинства, лежащие в основе инициации христианской традиции, могли со временем выродиться и, в конце концов, превратиться в обыкновенные экзотерические ритуалы. Некоторые продолжают обвинять Генона в противоречивости мнений. Существенное возражение таково: невозможно полагать, что таинства изначального христианства утратили свой инициатический характер, поскольку последний постоянен и неизменен. Генон опровергает это, отвечая: *«Эта неизменность и необратимость присуща лишь людям, получившим инициацию, но не тем ритуалам или особым жестам, призванным передавать духовные влияния, что служат «техническим» средством инициации»*.

Эта утрата инициатического характера христианских обрядов, эзотерических таинств, изначально задуманных как технический и экспериментальный аспект эзотерической доктрины, составляет часть «падения этого мира», которое внушили христианству западного мира условия эпохи. Это один из многих аспектов адаптации, уже не единожды нами упомянутой, когда речь шла о непредвиденных обстоятельствах конца цикла, одна из форм этой умышленной и необходимой секуляризации, в которой многочисленные современные историки, приписывая другим свой собственный менталитет и не способные судить прошлое кроме как через призму современного макиавеллизма, смутно различили корыстный политический маневр.

Генон противопоставляет им гораздо более легитимную точку зрения, когда пишет: *«Принимая во внимание то печальное состояние, в котором в эпоху распространения христианства находились страны Запада, входившие в состав Римской империи, то без «падения» христианства на экзотерический уровень все они вместе взятые в скором времени лишились бы всякой традиции, так как их собственные традиции, и в особенности главенствующая греко-романская традиция, достигли точки крайнего вырождения, что свидетельствовало о безусловном и скором конце цикла их существования. Это «падение» не было ни случайностью, ни извращением, — наоборот оно носило "провиденциальный" характер, потому как лишь это не позволило Западу скатиться в тот период в ту же пропасть, в какой он находится в наше время»*.

«Дабы убедиться в том, что христианство во второй фазе своего существования, утратило инициатический характер своих «таинств» и превратило их в обычные экзотерические обряды, достаточно рассмотреть случай с крещением, от которого должно непосредственно зависеть все остальное. Об изначальном христианстве, несмотря на всю «тьму», что его окутывает, абсолютно точно, что в нем крещение давалось лишь при соблюдении множества строгих предписаний и после длительной подготовки. В настоящее время все обстоит прямо противоположным образом, и кажется, что Церковь прилагает все усилия на то, чтобы упростить и облегчить процесс осуществления этого таинства, которое может быть не только дано всякому человеку без какой-либо подготовки и вне зависимости от его качеств, но считается действительным, кто бы его не осуществил, в то время как другие таинства могут совершаться лишь священником определённого сана и исполняющего конкретные ритуальные функции».

Отношение Эвола к случаю крещения было точно таким же, в рамках его анализа экзотеризации инициатических ритуалов, — явлению, которое он оценивает куда более пессимистически, чем Генон. *«Генон смотрел на эту ситуацию не столь пессимистично, потому что не учитывал двух моментов. Прежде всего, он, в отличие от указанного нами высшего и интегрального понимания инициации, рассматривал её более широко и даже ввёл понятие «виртуальной инициации», иными словами, инициации, которая может происходить безо всякого ощутимого для сознания эффекта и оставаться почти столь же бездейственной, как происходит в большинстве случаев. Вторая ошибка Генона заключается в том, что, на его взгляд, указанная сила сохраняет свою действенность даже в тех организациях, которые некогда обладали подлинным инициатическим характером, но так давно вступили в фазу предельного вырождения, что есть все основания предполагать, что духовная сила, изначальное бывшая их центром, отныне утрачена, не оставив за фасадом ничего, кроме психического трупа».*

Однако, помимо этих поверхностных расхождений, Генон и Эвола совпадают в главном — в том, чтобы признать среди различных затемнённых аспектов экзотерического христианского сознания экзотеризацию священных ритуалов. Крещение проявляется у обоих как наиболее очевидная иллюстрация этого явления. Из первоначального значения «второго рождения», переживаемого избранными во время инициации, оно выродилось в сугубо официальную церемонию, проводящуюся в связи с явлением в мир каждого человека, на абсолютно равных основаниях. Традиционная концепция «второго рождения» находит своё собственное эхо в чистой форме деградировавшего «обряда перехода», который этнологи и современные антропологи нашли в лоне первобытного общества, принимая во внимание, что это не было изначальным и основным состоянием человечества, а как совершенно точно указывает Жозеф де Местр, гипердегенеративным остатком, лишь напоминающим его, а потому существовала опасность в применении прилагательного «первобытный», поскольку, имея двусмысленный

характер, оно одновременно означает «дегенеративный» и «изначальный». «Второе рождение» являлось исключительно духовным, это было рождение, дававшее доступ в «мужское общество» в высшем значении этого термина, открывавшее двери к индуистской касте «дваждырождённых», понимаемой в этимологическом значении (и означало ступень, на которой находится сам Генон, являясь верховным «свидетелем Традиции» в современном мире). Между тем, первое рождение — биологическое — случайно, и не может наделять на равном основании тем достоинством, которого удостоивается каждый человек, в то время как биопсихическая организация, «второе рождение» — духовно, и является результатом добровольного преодоления себя — оно наделяет высшим достоинством, присущим всякой подлинной аристократии.

В главе, посвящённой отношениям христианской этики и метафизики пола, мы вернёмся к вопросу экзотеризации, воскрешая в памяти событие священного бракосочетания, этой «великой тайны», о которой говорит Святой Павел и которая также выродилась в обыкновенную общественную формальность. Но прежде мы рассмотрим христианство под метаполитическим углом, и наше изучение не будет напрямую связано с некими ранее существующими аспектами эзотерической доктрины христианства. Таким образом, двойственная функция Христа как Царя и Священника позволит понять истинную сущность гибеллинизма, этого расцвета средневековой метаполитической мысли, наследниками которой были Эвола и Генон.

ГЛАВА III

ХРИСТИАНСТВО КАК МЕТАПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ГИБЕЛЛИНИЗМ, НАСЛЕДИЕ И ЗНАЧЕНИЕ.

В одной из своих главных книг Эвола определяет гибеллинизм как доктринальное утверждение превосходства светской власти над духовной. Вступление «теократического плана гвельфов» разрушило то, что он полагал обычным положением. Эвола приписывает спор между священством и империей маккиавелизму Церкви, неспособной вынести присутствие власти, превышавшей её собственную.

Эвола также считает, что для объяснения средневекового конфликта гвельфов и гибеллинов⁵⁰ нужно вернуться к истокам христианства и его отношениям с Римом. *«Внутренний упадок и, в конце концов, политический распад древнего римского мира отмечают провал попытки соразмерить Запад с имперским символом. Вторжение христианства в человеческое мышление с особым типом дуализма, который прочно устанавливал в разуме определённый характер религиозной традиции, привело к значительному прогрессу в процессе разъединения, когда вскоре после вторжения северных рас, средневековая цивилизация вернулась к имперскому символу. Священная Римская Империя была *Restauratio*⁵¹ и *Continuatio*⁵², окончательный смысл которой состоял в восстановлении римского движения, согласно солнечному вселенскому синтезу, что логически подразумевало преодоление христианства и должно было находиться в конфликте с гегемонией, на которую с самого начала претендовала Римская Церковь. Она не могла смириться с тем, что Империя фактически соответствовала высшему принципу, превышавшему то, что представляла собой сама Римская Церковь; это находилось в явном противоречии с евангельскими предпосылками, узурпировавшими и поглотившими права, и стало причиной рождения «теократического плана гвельфов». В следующих фрагментах Эвола перечисляет конкретные случаи, где в репрессивной форме проявился этот «теократический план»: обвинение в ереси, предъявленное папой Григорием IX Ордену Святого Иоанна (1238), приговор архиепископа Риги (1307) Ордену Тевтонских Рыцарей и т.д. «Но именно тамплиеры были главной целью атаки. Разрушение этого Ордена совпало с прерыванием метафизической напряжённости гибеллинов средневековья. Это отправная точка разрыва, «западного упадка».*

⁵⁰ «Борьба гибеллинов и гвельфов была пиком противостояния двух сакрально-политических моделей западно-христианской цивилизации – «католической теократии» («радикальное папство») и императорского псевдо-византизма (германские императоры Штауфены). Исторически это многовековое противоборство закончилось поражением гибеллинов и победой папской партии. (Из докторской диссертации Александра Дугина «Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ»).

⁵¹ Лат. «Восстановление».

⁵² Лат. «Продолжение».

Позже Эвола признает, что если Гибеллинизм является сверхтрадиционным явлением, его «недуалистическая метафизика **Империи**» также присутствует в самом христианстве, о чём свидетельствует знаменитая фраза апостола Павла: *«Ибо не есть власть, если не от Бога»*, и ещё более актуальный отрывок из Послания к Римлянам: *«Посему противящийся власти противится Божию установлению»*. В этих критериях есть концепция, которая, по крайней мере, допускает существование «духовного могущества», что незаконно осуществляется временными обладателями власти. Это «духовное могущество» представляет собой то, что в мусульманской и восточной традициях известно как **Барака**⁵³ и «небесный мандат»⁵⁴. Ритуал «наложения рук», через который передаётся **Барака**, в точности соответствует ритуалу освящения королей и императоров, который известен христианскому Западу. Но **Барака**, как и «небесный мандат», может быть потерян. Духовное могущество утрачивается, если наделённый светской властью не достоин своей роли. В своей инаугурации, равно как и в своей практике, светская власть подчинена духовной власти. Священство имеет первенство над царским достоинством и Эвола, вопреки Генону, вкладывает в нормальный порядок оба могущества. Эти могущества, соответственно, представляют собой гвельфизм и гибеллинизм.

Существует очевидная взаимосвязь между нашими рассуждениями о гибеллинизме и гвельфизме и тем, что было сказано об особенном типе дуализма, введённом христианской традицией в общих рамках традиционной доктрины двух природ. Согласно предложению синтеза двух ветвей, общие различия подразумевают сверхъестественное происхождение; гибеллинизм являлся политическим отражением различительного дуализма, свойственного традиционной ортодоксии. Что касается гвельфизма, он представлял собой политическое отражение сепаративного дуализма, не являвшегося, строго говоря, инакомыслящим по отношению к традиции, однако находящимся в зависимости от циклических условий, в которых христианство должно было реализовать свою экзотерико-социальную миссию.

Между гибеллинизмом и гвельфизмом имелась взаимодополняющая связь (без всякого противопоставления), которую мы определили после того, как было сказано о двух направлениях средневековой традиции: традиционного направления и католического направления. Гибеллинизм — политическое наследие Традиции, сохранившееся в христианстве, и в частности, в учении апостола Павла. Гвельфизм — политический легат христианства, учреждённый в форме Церкви и призванный, прежде всего, к борьбе против попыток узурпации светской власти.

Диалектическое противостояние гибеллинизма и гвельфизма не может быть объяснено ничем иным, кроме другого антагонизма, который

⁵³ Барака — древнее персидское слово, которое означает «благословение», «благодетельство», «блаженство».

⁵⁴ Небесный мандат (Tiānmìng) — одно из центральных понятий традиционной китайской политической культуры, используемое как источник легитимации правящей династии.

противопоставляет в самом центре традиции два могущества, духовную и светскую власть. Кроме различия двух составных элементов, имеющих один исток, любой синтез постулирует первенство одного из двух составных элементов, который каким-то образом возвращает себе аристотелевское выражение, «неподвижный двигатель», принадлежавший другому. Очевидно, что синтез духовной и светской власти является не только отражением, в частности, на политическом уровне, но и более общим синтезом идеалов знания и действия, или, если угодно, неотделимостью традиционных гностических и героических способов доступа к трансцендентному. Знание — совершенный «неподвижный двигатель» действия. Героический способ познания (*открытия*) высшего мира не может быть осуществлен только лишь посредством гностических методов; в свою очередь, всегда существует опасность каким-нибудь образом поддаться обыкновенной жажде материальной власти. Таким образом, в рамках традиционного синтеза двух могуществ, духовный авторитет имеет, в идеальной перспективе, примат перед светской властью. Если, согласно доктрине гибеллинов, содержащейся в зачаточном состоянии уже у апостола Павла, светская власть *«исходит от Бога»*, равно как и власть духовная, они не могут быть связаны друг с другом более, чем сверхъестественным происхождением. Только духовная власть является хранилищем «небесного мандата» в первой степени, прямым и непосредственным способом, который узаконивает роль «неподвижного двигателя» светской власти.

На основе всего этого можно прийти к выводу, что только генонианский гибеллизм является ортодоксальным. Эволианская концепция гибеллизма — уже результат изменения традиционных стандартов. Мышление Эвола — всегда гибеллинское мышление по мере того, как он признаёт общий сверхъестественный источник двух могуществ и их необходимый синтез. Но это гибеллинское мышление не ортодоксально в той степени, в какой оно принимает традиционный синтез, традиционную иерархию его составных элементов. Неортодоксальный гибеллинский мыслитель Эвола находится по отношению к гвельфизму в той же ситуации, что и современные буржуазные философы по отношению к эгалитаризму. Они критикуют эгалитаризм, в то время как сами диалектически ответственны за недостатки своей экономической элитарности или, в менее худшем случае, социальный дарвинизм. В действительности не сам ортодоксальный гибеллизм, как полагал Эвола, питал сепаративный дуализм гвельфов. Таким образом, как только была принята традиционная иерархия двух могуществ, светская сила незамедлительно освободилась от духовной власти. Она обрела не только легитимность с тем, чтобы подчеркнуть различное происхождение двух могуществ, но и стала настаивать на необходимости примата духовной власти, дабы возродить среди держав сего мира чувство трансцендентности и способствовать возвращению к стандарту.

Чтобы рассмотреть этот вопрос в историческом плане и оценить значение доктринальных суждений, высказанных ранее великими героями, оставившими свой след в истории средних веков, мы укажем, что

ортодоксальный гибеллинизм был возведён на имперский уровень Карлом Великим и в среде французского дворянства, в Сан-Луисе, в то время как Фридрих II, на которого ссылается Эвола, воплощал уже искажённый гибеллинизм. Тот факт, что слово «гибеллин» было несвоевременным и относится именно к эпохе великого швабского императора, не допускает существенных возражений; поэтому необходимо видеть в этом проявление связи, которая, согласно тому же Генону, всегда объединяла манифестацию какого-либо скрытого явления и концепцию его характеризующую. Также слово «цивилизация» появилось в XIX веке, то есть, в эпоху, когда понятие цивилизации было утрачено и начали возникать расовые теории, в которых концепция истинной расы — расы духа, внутренней расы, — признавалась всё меньшим числом индивидов, чаще всего изгоями, — с тех пор, как *«микrokосмическая и количественная аналитическая псевдо-наука»* заменила собой истинную традиционную науку, *«синтетическую, макrokосмическую и качественную»* (Роже-Гай Домергу), в рамках средневековой истории и мышления понятие Гибеллин обогатило лексику эпохи, в которую его глубокое значение было утрачено.

Скажем несколько слов о взаимосвязи между гибеллинизмом и «Верными Любви». В Духе рыцарства, о чём будет сказано в следующей главе, — «Верные Любви» представляют концепцию отношений между мужчиной и женщиной, основанных на эротической области, в обратном порядке сопоставимом с тем, что производит неортодоксальный гибеллинизм в области политики. Как мы увидим далее, женщина есть «неподвижный двигатель» мужчины, в то время как в традиционной нормальной перспективе, мужчина — «неподвижный двигатель» женщины. Знание является мужским идеалом, а действие раскрывает природу, в которой он господствует над эмоциональным элементом, изначально присущим женщине. Равно как «искажённый» гибеллинизм, воплощённый Фридрихом II, доктрина «Верных Любви» и рыцарский культ «Дамы», остаются вписанными в традиционное направление как «воля к власти», всегда сосуществуя с чувством трансцендентности. Инволюция, характерная современности начинается на политическом уровне, когда светская власть окончательно восстаёт против человека, поддаваясь искушению «донжуанства», где «вечная женственность» всегда «неподвижный двигатель» мужчины, но где мужчина отчаянно ищет способ объединения с «вечной женственностью» посредством напрасного сопоставления с исключительно материальным.

На протяжении большей части своей истории, западные средние века характеризовались метафизическим напряжением гибеллинизма. На следующем этапе увидело свет напряжение между искажённым гибеллинизмом и реакцией гвельфов, готовых к восстановлению иерархического равновесия между двумя могуществами. В конечном итоге, современный антитрадиционный мир предложил диалектическое напряжение, на этот раз без разбора, между светской властью, всё более неверной, и выродившимся в силу факта теократии гвельфизмом, более недавним следствием которого стал волюнтаризм, победно объявивший о

«смерти Бога». Таким является глубинный смысл гибеллинизма: синтез духовной и светской власти, их общего сверхъестественного происхождения, метафизический империализм, основанный на различительном дуализме, иерархическом равновесии двух могуществ посредством первенства Духовного. Таково его двойное наследие в рамках «интегрального традиционализма»: во-первых, ортодоксальный гибеллинизм Генона, во-вторых, искажённый гибеллинизм Эволы, где еретическое главенствует над светским, устанавливая в силу самого факта игру диалектического чередования, отделив сепаративный дуализм от «теократического плана» гвельфов.

ИСТОРИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Теперь нам нужно вернуться к циклической философии истории, свойственной традиционному мировоззрению. Золотой век и упадок — два осевых понятия. Всем цивилизациям и обществам традиционного типа характерна сильная ностальгия по мифологическому времени, когда состояние человечества было совершенным. Объектом её метафизического напряжения является высокая духовность, что, как считалось, царила в мифологическое время, и это пространство мифа занимал Рай, созданный Рай, истинная Утопия.

В связи с предыдущим пунктом, мы считаем необходимым ввести два новых типа развития: один, связанный с глубинным смыслом утопии и утопизма, другой — с концепцией «мифологического времени», к которой нередко прибегает Мирча Элиаде, дабы объяснить структуру мышления «архаических народов» («архаическое» Элиаде эквивалентно «традиционному» Эвола и Генона).

Согласно различию, проведённому А. Сиоранеску, утопизм — это воззрение и утопический литературный жанр, создающий смесь романтической сказки и философского эссе, в которой некоторые писатели представляют «место, которого нет» (таким является этимологический смысл «утопии», греч. *ου-τοπος*). В традиционном воззрении, это, тем не менее, не означает, что таких мест не существует. Они существуют в различных мирах, отличающихся от физического и чувственного. Необходимо искать их в другой части, в высшем порядке реальности, иными словами, в метафизическом измерении. Утопизм возник не как абстрактная мечта, но как состояние отрицания традиционного принципа двух природ и существования реальности за пределами видимого и осязаемого мира. Определение, которое даёт Раймон Руйер («умственная практика побочной вероятности»), выдаёт материалистический предрассудок в широком смысле этого термина. Утопизм, прежде всего, является интеллектуальными вертикальными поисками архетипа. Давайте обратимся к Бернарду Дюбанту: *«Следует делать различия между двумя утопиями: истинная утопия, модель всех вещей, сама Реальность должна отличаться от того, что называют «утопией» в наши дни. Итак, существует **традиционалистский утопизм**. Мы также утверждаем, что традиционализм по определению утопичен. Кроме того, мы можем говорить о правом утопизме в той степени, в какой люди Традиции являются подлинными правыми. Огромная ошибка нынешних псевдо-правых заключается в том, что они оставляют левым монополию утопии. Посредством марксистского мессианства, к примеру, они представляют себе борьбу против «деструктивной метафизики». Но в действительности они нападают не более чем на дьявольскую карикатуру метафизики, её ирреальный вклад, абсолютно антитрадиционную концепцию «ограниченного мира», принятую за мечту о «бесклассовом обществе». Вместо того чтобы противопоставить этому фальшивому утопизму истинный утопизм Традиции, псевдо-правые противопоставляют так называемый биологический «реализм», второстепенный материализм,*

привилегированное идеологическое алиби, «волю к власти», переименованную в «героическую субъективность».

Разделение на мифологическое время будет менее продолжительным. Мы ограничимся тем, что подчеркнём отображение этой традиционной мифологической связи в библейском повествовании, где множество раз повторяется формула *«Тогда Иисус сказал ученикам Своим»*. Период христианской проповеди, духовное влияние христианства, рассматриваются как Новый Золотой Век в рамках того, что мы называем *«местом в исторической бездне»*.

Традиционная ностальгия по Золотому веку сопровождается верой в *«непрерывный вселенский упадок»* (Генон). Он ни в коем случае не является только судьбой всякой цивилизации. Этот упадок следует воспринимать как общее историческое направление текущего цикла человечества (индуистскую **Манвантару**). Конец нынешнего цикла совпадает с началом другого цикла, который откроется Золотым веком. Кроме того, как подчёркивает Генон, следует говорить о конце мира, нежели о конце света. Параллельно с воззрением на упадок как смысл истории, все традиции испытывают надежду на то, чтобы увидеть рождение нового человечества на руинах старого посредством *«мгновенного возвращения»*, как напоминает Жан Робин, описывая переход от одного цикла к другому. Таким образом, становится понятным значение христианского символа *«ветхого человека»*, использованного для выражения упадка, который должен уступить место *«новому человеку»*, объединяясь с истоками высокой духовности. С учётом исторических обстоятельств при изучении христианства, религии конца цикла, традиции, приспособленной к Железному веку, как правило, представляющей собой мессианство по природе своей являющееся традиционным явлением, правые усматривают в этом *«ниспровержение»* под предлогом того, что марксизм восстановил в секуляризированной форме. Суть в том, что слово *«ниспровержение»* как и слово *«революция»* передаёт не тот же самый смысл, который вкладывает в них истинный традиционалист или современный *«левый»* или *«правый»* человек. Настал момент прояснить, что же мы подразумеваем под этими словами.

Упадок не является однолинейным историческим процессом. Он, мы повторяем, глобальное направление, общий смысл которого следует из постоянного противостояния ниспровергающих сил хаоса и революционных сил порядка. Под *«порядком»* мы понимаем обязательный метафизический порядок, а не социальный случайный порядок, изначальное райское единство, а не искусственную гармонию материального мира, что являются лишь ветровыми стёклами, загрязнёнными хаосом, прозрачными масками беспорядка, удобного тем, кто посредством его биологических или экономических средств могут навязывать свою *«героическую объективность»*. Для многих *«правых»* сегодня такие слова, как *«ниспровержение»* и *«революция»* принимаются одно за другое и означают силы, угрожающие случайному социальному порядку. Для традиционалиста **Ниспровержение** представляет общую историческую тенденцию (отсюда прописная буква), которая отдаляет

человечество от его изначального состояния, условий, что предшествовали его «падению». Что же касается «революции», это общая историческая противоположная тенденция, цель которой — возвращение к норме, восстановление идеального состояния, уничтоженного «первоначальным грехом», согласно этимологии слова «революция» (от позднелат. *revolutio* — поворот, переворот, превращение, обращение). Это предполагает, что традиционализм революционен по определению, и среди многочисленных свидетельств революционной сущности христианской традиции мы приведём лишь эти слова пророка: *«И застроятся потомками твоими пустыни вековые: ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения»*. Когда марксист объявляет себя «революционным», даже узурпируя это прилагательное, он делает это искренне. Поскольку марксистское мессианство действительно выступает за возвращение к нормальному и основному состоянию человечества. К сожалению, это состояние определяется в терминах «бесклассового общества» и «примитивного коммунизма». Антитрадиционный характер марксизма порождён, главным образом, этой материальной утопией, нежели мессианством. От этого он не становится менее ужасным и, чтобы оценить опасность, которую он, несомненно, представляет, следует помнить генонианское различие между анти-традицией и контр-традицией.

Хотя Революция характеризуется метафизической напряжённостью в изначальной духовности, Ниспровержение делает это из-за материалистической, второстепенной или первичной тенденции. Но в самом себе Ниспровержение содержит две фазы: анти-традиционную фазу чистого или простого отрицания духовности, и контр-традиционную фазу, более тонкую, где материализм сопровождается тем, что Генон называет «извращённой духовностью», понятием, достаточно близким к «второй религиозности» Шпенглера, пародии истинной духовности. Марксизм, понимаемый только как контр-традиционное явление, представляет любопытную смесь материализма (детерминизма «инфраструктуры» классовой борьбы) и духовной пародии (неверно истолкованного мессианизма завоевания Золотого века).

Далее мы увидим, как некие фрагменты священных индуистских книг с поразительной точностью предсказывают моральное разложение Кали-юги, сексуальный отказ от нашего времени; тем же способом христианство предвидело появление противоречия, доказательством чему служит евангельское предсказание: *«Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»*. Как не увидеть здесь намёк на современное разложение Церкви, очарованной марксизмом? И Бертран Дюбо, критикуя применения гегельянской схемы к истории христианства, прав, когда пишет, что *«Католицизм — не тезис, а синтез, который охватывает всё, и этот синтез способен сопротивляться не противоположности, но системе, претендующей на эквивалентный или высший синтез. Подлинной универсальности, вероятно, противостоит ложный универсализм»*. В первом же ряду фигурирует марксизм, поэтому бесполезно бороться с

любым биологическим «дифференциализмом», оставляя ему универсальную монополию. Вы можете лишь победоносно направить против псевдо-универсализма левых подлинную универсальность Традиции, открытие которой способно привести к традиционной христианской экзегезе. В этом и ни в чём больше заключается непереносимое условие истинной духовной европейской революции.

ОШИБКИ ПСЕВДО–ПРАВЫХ

Переходя к «социально–революционному» христианству, а не духовной революции, «Новая школа» «правых» пыталась предотвратить коммунизм. В своём предисловии к книге Луи Ружьер, А. де Бенуа пишет: *«Л. Ружьер, описывая то, что уже произошло, в то же время, описывает то, что нас ожидает»*. Показательная фраза, причём включающая в предисловие совокупность всей работы. Христианство обвиняется в возникновении непосредственно из иудаизма, в частности, из «древней библейской традиции презрения к могущественным». Пророков осуждали как домарксистских предтеч систематической восторженности пред «смирненными» и «мезтью бедняков». Псалмопевцев обвиняли в том, что они пошли на обман и предложили принцип классовой борьбы. Во всей этой массе анахронизмов мы без труда угадываем типичную дрожь консервативного интеллектуала, боязливую реакцию преимущественно перед «великим пожаром», который приносит на «землю» все формы истинной революции, весьма далёкой от восстановления эгалитаризма, но, напротив, — «справедливого неравенства», так любимого Аристотелем.

Равно как революция левых, Революция правых в действительности постулирует противостояние богатым и победу «бедных», но с существенным различием, которое заключается в том, что богатство и бедность понимаются ими более в социальном смысле, нежели в духовном. С этим условием согласованы формулы: *«Последние будут первыми в моём Царствии»* или *«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»*, а также с парадоксальными утверждениями, на которых была построена Нагорная Проповедь. Для традиционализма христианство не является политически революционным и принадлежащим к «правой» стороне, и богатство ни в каком случае не определяется, исходя из принадлежности к определённомu экономическому классу. Это, прежде всего, жизненная позиция, некий способ использования материальных и экономических, но также и биологических преимуществ, — в этом случае в достижении удовольствия и господства, в тщетных поисках благ мира сего, которые несовместимы с онтологическим богатством внутреннего единства. Также синонимом материального богатства является духовная нищета, а синонимом материальной нищеты — духовное богатство.

«Тот, кто поднимет меч, от меча и умрёт». Это евангельское предсказание, глубокий смысл которого вспоминает Генон, может быть отнесено к современным псевдо–правым, необычайно иллюстрируя этот «антиогенез конца», к которому, в конечном счёте, приведут их действия. Обвиняя христианство в «разрыве с миром», псевдо–правые указывают на его неспособность видеть различие, согласно доктрине двух природ между Человечеством и этим миром (у арабов, соответственно, **Adam** и **Dunya**⁵⁵). Для них мир ограничен этим нижним миром, инфрамиром. В этот момент они не способны проникнуться чем–то большим, чем традиционными христианскими и индуистскими «юдолью слёз» и «путешествием в ночи». Но это отрицание метафизического порядка не смогло бы стать развязкой

⁵⁵ Dunya دنيا, «дунья, мир; самая низкая, самая близкая».

во всеобщей экономике нынешнего цикла. Оно лишь некоторое время питает «извращенную духовность» контр-традиции и готовит долгосрочный вид имманентного правосудия, легитимный удар сзади, инаугурационную революцию нового человечества.

«Кто не со мной, тот против меня». По словам, А. Бенуа, это является «ключевым словом (слоганом) всех тоталитарных режимов». Это не просто очередной анахронизм. Революция, которая метафизически ссылается на Золотой век в традиционном смысле, не может быть тоталитарной. Тоталитаризм является типично современным явлением. Он возник, когда революционное напряжение было (и есть) предназначено не для интегративного единства, характерного для изначальной духовности, а для единообразия под эгидой материального гипостазированного элемента: экономики в марксизме, расе в национал-социализме. Тем не менее, являясь тоталитарной или нет, всякая революция устанавливает обязательное жёсткое различие между её сторонниками и противниками, духовную демаркационную линию (в случае традиционной революции) или идеологическую (в случае тоталитарной революции), перед которой она скрывает принадлежность натуралистического порядка в концепции родины или семьи. Это объясняет смысл отрывка из апостола Павла: *«Нет ни иудея, ни грека, нет ни раба, ни свободного»*. Есть только христиане и не христиане. Паулисты утверждают, что христианство является в первую очередь идеальной родиной, выходящей за пределы исторической и плотской родины, эхо чего мы слышим в отрывке Евангелия от Матфея, где как раз затрагивается вопрос семейных связей: *«Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её, и враги человеку домашние его»*. Реакции, которые вызывают такие намерения у сторонников антихристианского правого движения, служат доказательством того, что они остаются «узниками» партикуляристского мировоззрения, согласного с первенством случайных общественных связей и подчинением культурных и религиозных явлений требованиям патриотизма и социальной сплоченности. Столкнувшись с необходимостью поддержать одну из сторон и пониманием невозможности побега, в революционном контексте идеологической маркировки, псевдо-правые отреагировали с какой-то мелкобуржуазной чувствительностью, что сделало их более уязвимыми для революционных левых, которым удалось, не смотря на всю их контр-традиционную интерпретацию «мобилизирующего мифа» об источнике, подтвердить, в частности, посредством марксизма и сартровского экзистенциализма, концепцию идеальной родины.

Чтобы завершить этот пункт, приведём одно очень краткое упоминание библейского мифа о Каине и Авеле, как он был интерпретирован Геном и современной этимологией. Один из её самых знаменитых представителей, Роберт Ардри, в своей книге с громким названием **«Дети Каина»**, отозвался с похвалой о буржуазном и промышленном человечестве, которое поставило на службу «прогресса» свою собственную агрессию, «генетический шрам» своего животного происхождения, «биологический императив», которым должна управлять

вся общественная организация. Убийство Авеля, совершённое Каином, символизирует «естественный отбор», уничтожение «благородного дикаря» хищником, завоевательную победу человечества, победу культурного уровня над природным состоянием. Эта так называемая «революция» означает, среди прочего, создание первого города, приписываемое в библейской традиции Каину. В этом возникновении гражданского оседлого образа жизни, заменившего кочевой, традиционалистская экзегеза, напротив, видит инволюцию; по мере того как материальное закрепление в пределах города шло параллельно с возрастающим духовным рассеиванием, материальное духовное рассеивание, характерное для кочевого существования, компенсировалось внутренней духовной твёрдостью.

ОЧИЩАЮЩИЙ МЕЧ

Юволианские традиционалисты отрицают в христианстве любую форму этического действия. Конечно, они подчёркивают воинский идеал «безличной силы», как она проявляется в девизе Ордена Тамплиеров: *Nol nobis domine, sed nomine tuo da gloriam*⁵⁶. Об этих монахах-воинах Св. Бернард писал в **«De laude novae militiae»**⁵⁷: «*Кажется, что все они имеют единое сердце и единую душу, ибо действуют, следуя не своей воле, а подчиняясь голову власти*». Но этот героизм проявлялся у них как выживший арийско-римский дух, более или менее ассимилированный христианством, нежели как внутреннее его следствие.

Однако дословные свидетельства иные, от слов Апокалипсиса, согласно которому: «*Господь не любит тёплых*»⁵⁸ до Евангелия от Матфея, где сказано: «*Не мир принес я Вам, но меч*», продолжаясь в проклятии Иеремии: «*Проклят, кто дело Господне делает небрежно, и проклят, кто удерживает меч Его от крови!*» Те, кто осуждают христианство от имени «языческой духовности» героическо-воинского типа, предпочитают подчёркивать такие цитаты как «*Любите врагов ваших...*». Но они забывают о том, что подобные цитаты нужно понимать в эзотерическом смысле.

В зоне некоего пространства антихристианских правых, где от случая к случаю смешивались эволианские традиционалисты и сторонники «новой школы», культивировался любопытный парадокс: они обвиняли христианство в продвижении антигероического мировоззрения, одновременно вменяя ему в вину появление в истории посредством насилия. Несомненно, насилие не является героическим по определению. Не более чем когда оно необходимо для восстановления метафизического порядка против несправедливостей случайного социального порядка, «справедливого неравенства», политического отражения первого, взамен ущербному элитизму хищника, характеризующего второй. Таковым является насилие христианства, как насилие любой революции, которая действует в традиционном направлении. Меч, принесённый на землю Иисусом, есть меч очищающий, что сметал семена духовного упадка, и под прикрытием которого «люди доброй воли» могли восстановить Золотой век.

Одной рукой христианство боролось с Царством Зла. Другой — строило Царствие Божие. Поэтому, чтобы понять красивые образы, используемые в Правилах Рыцарей Пречистой Девы, сила льва, которая оживляет руку, должна быть уравновешена лишь кротостью ягнёнка, что наполняет сердце. Требования справедливости постулируют силу льва. Императив мира призывает к кротости ягнёнка. Мир и Правосудие: два

⁵⁶ Лат. «Не нам, Господи, не нам, но имени твоему ниспошли славу!».

⁵⁷ Bernard of Clairvaux, «Liber ad milites Templi de laude novae militiae». Основополагающий труд Бернарда Клервоского «О похвале новому рыцарству» (также: «Слава новому рыцарству»).

⁵⁸ «15 знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! 16 Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

великих атрибута Мельхиседека, согласно закону, который, как мы видели, был установлен Христом. Вот почему Христос зовётся «Царём мира» и «Судьёй живых и мёртвых».

Мир, в традиционном христианском смысле этого слова, не эфемерная и хрупкая концепция сосуществования различных интересов и желаний, ограничивающих легализацию победы наиболее сильных. Напротив, она синонимична фундаментальному единству, и никакая аристократия, помимо аристократии духа, не может быть её политической ратификацией. Таким является смысл слов Иисуса: *«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам»*. В одном из номеров журнала **«Nartex»**, который мы уже упоминали в других местах, опечаленный Жан-Клод Куин пишет: *«Так очевидное нарушение, вызванное применением Номоса, в действительности не является изменением; положив конец изменению, оно, кажется, изменяет какую-то вещь, в то же время не нарушая стабильности всех вещей, и Христос, по-видимому, принеся войну, сохранил мир. Его влияние распространяется на всех суверенных воинов, борющихся за правосудие, восстановление, или скорее, за выражение порядка священной войны»*.

Временное и очищающее христианское насилие и, следовательно, насилие в целом, реализуемое от имени Традиции, невозможно объяснить ничем, кроме Мира и Правосудия, которые оно желает восстановить на долгий срок, согласно истинному порядку, ниспровергнутому «первородным грехом», всё более скрытому по причине упадка, но явленному, дабы проявиться в Конце Цикла и в начале новой **Манвантары**. Согласно марксистскому мессианству, он имеет ту же форму, и в перспективе нового возрождённого человечества: коммунизм одновременно оправдывает необходимость насилия в классовой борьбе и «временный» тоталитарный режим. Мы достаточно показали, что «мобилизирующий миф» марксизма — лишь дьявольская карикатура на традиционный Золотой век.

ГЛАВА IV

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА И МЕТАФИЗИКА ПОЛА. РЫЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Под пагубным влиянием фрейдизма мы сегодня почти неспособны рассматривать сексуальность иначе, чем инстинкт, порождающий удовольствия. Рассуждать теперь о «метафизике пола» большинству наших современников кажется, как ни парадоксально, чем-то абсурдным, а то и вовсе смешным. Метафизика пола отказывается говорить о таком сексуальном явлении, как инстинкт полового влечения, или же чисто биологическом принципе продолжения рода. Двум этим понятиям, сходящимся в анти-традиционном климате, свойственном современному миру, метафизика пола противопоставляет свою концепцию многогранной и тоталистической сексуальности, идею, в которой различные внешние аспекты сексуального явления организованы иерархически, и кульминирует в признании своего трансцендентного измерения. Половой инстинкт, проявляемый тем или иным индивидом, ищет изначальное Единство, всеобъемлющий синтез истоков, *coincidentia oppositorum*, мифическое изображение которого является ничем иным, как знаменитым мифом об андрогине, в частности, воскрешённым Платоном.

Одним из самых больших беспокойств Эволы была систематизация, в свете множества свидетельств традиционных цивилизаций, этой метафизики пола, которая видит в союзе Мужчины и Женщины «процесс воссоздания андрогинна». Со своей стороны Генон не приступает к этому вопросу более чем эпизодически, и нередко для того, чтобы подчеркнуть роль любви в героическо-воинском принципе и его эмоциональном отношении к природе, свойственном **Кшатрию**. Таким образом, возникает проблема рыцарской любви, анализ которой заставляет нас вспомнить историческую функцию восстановления западного средневекового христианства.

В ответ на естественное стремление упадочнической древности, средние века реабилитировали духовность во всех её формах. Они восстановили доступ к трансцендентному и различным к нему путям: чисто метафизический путь (духовность Золотого века), гностический и героический путь (Тамплиеры, Ордена воинов-аскетов), исключительно гностический путь (монастырские Ордена, сосредоточенные на идеале знания, а не действия), воинский путь (предназначенный для рыцарского типа, который мы здесь рассматриваем) и эзотерико-религиозный путь (мирская Церковь).

Необходимо отличать два типа рыцарства: **Духовное Рыцарство** и **Воинское Рыцарство**. Идеалом первого являлся синтез знания и действия, это всегда цель и средство. Между членами второго происходило создание нормальных отношений из составных элементов изначального синтеза. Действие становилось доминирующим элементом, целью, хотя нужно заметить, что знание, собственно говоря, превращалось в средство.

Истинное знание больше не могло быть целью. Оно способно было становиться лишь средством, дабы служить религиозному способу подхода к трансцендентному, к вере, что опирается на эмоции, которые, в свою очередь, приводят к проявлению и интеграции женского начала, делая его необходимым в инициатической цепи посвящения. Рыцарская инициация, в чисто воинском смысле этого термина, — инициация, специально приспособленная к типу человека, мало расположенного к созерцанию, — доминирующая в нём возбудимость одновременно чувствительна к религиозному способу подхода к трансцендентному, и уязвима перед очарованием, неотделимым от женской власти. Для человека этого типа стояла проблема интеграции элементов аффективного происхождения в своё героическое видение жизни. Вера и любовь — на службе действия. Они являлись высшими мотивами рыцарского героизма.

Эвола посвящает целую главу «Метафизики Пола» *«процессам пробуждения средневековой рыцарской любви»*. В ней говорится о культе «Дамы», «женщины духа». Эвола пишет: *«В действительности «дама сердца» существовала исключительно в воображении, на тонком плане, движущем поведением рыцаря и питавшем его экзальтацию»*. Всё это следует понимать так, как мы уже объяснили ранее, а именно что женщина, которой посвящали свою жизнь и шли ради неё на самые опасные предприятия, нередко выбиралась таким образом, что возможность обладать ею была исключена уже изначально; речь могла идти и о замужней женщине, на обладание которой не могло быть никакой надежды, или же ей могла стать недоступная женщина, чья «жестокость» принималась как нечто возвышенное; также мог подразумеваться и простой образ, который был создан как прототип существующей женщины, однако никогда не виденной («далёкая принцесса»). Однако эта женщина питала желание и призывала мужчину к службе до самой смерти. Под **Domnei** и **Donnoi** на провансальском наречии подразумевался тот тип любовных отношений, которые изначально отрицали физическое владение женщиной. На весьма примечательной гравюре руки человека символически связаны, и один из представителей этого движения говорит: *«Тот, кто хочет полностью обладать своей дамой, ничего не знает о Donnoi»*. В других случаях было допустимо обладание и отношения с женщиной, которая, однако, не могла быть объектом подобного Эроса. С одной стороны, как мы уже говорили, здесь следовало думать о скрытом желании избежать того, чтобы конкретные эротические отношения привели к завершению или кризису высокого пробуждённого внутреннего напряжения (к примеру, Рильке точно отмечает, что рыцари испытывали опасения, что их ухаживания за Дамой могут привести к успеху); но с другой стороны, как об объективной компенсации всего этого, также следовало думать о событиях, которые попадают под то, что мы обозначали как принцип воплощения женского начала в себе, его абсорбцию и интеграцию с ним в сверхфизической, незримой области. Таков способ приближения, если рыцарь испытывал любовь, к овладению «внутренней женщиной», параллельно стремясь к самосовершенствованию (героические предприятия, опасности, приключения и всё то, что почти фанатично совершалось ради своей «Дамы»).

Таким образом, приверженцы духовного рыцарства имели внутренне присущую им потребность в самосовершенствовании на гностическом пути знания, как согласно героическому пути действия, трансцендентная потребность сторонников воинственного рыцарства заключалась в необходимости отвечать современным условиям, имея внешнюю мотивацию в той степени, в какой героизм отделён от созерцания, и биопсихизм **Кшатрия** больше не находил свой «неподвижный двигатель» в чистой духовности.

Этих внешних мотива два: вера и любовь. Их сосуществование и общая принадлежность к сфере эмоций, чувств, аффектов и душевных импульсов доказывает, что подобный идеал рыцарства был направлен на человеческий тип **Кшатрия**, уже далёкого от изначального высшего синтеза, отныне лишённого любого чисто брахманического и воинского элемента, импульсом для пробуждения которого являлось уже не знание, а религиозные и эротические заменители, на которые возлагалась роль «неподвижного двигателя», «действия без действия», традиционно связанная с принципом созерцания.

Приверженец воинского рыцарства, во вторую очередь, действовал через религиозное или эротическое напряжение, без которого его позиция самосовершенствования не была способна переходить от потенции к действию. Но, по крайней мере, он не действовал под влиянием иррациональной воли к жизни, характерной современному воинскому типу, находящемуся за пределами какого-либо религиозного принципа и уважения к женскому началу в целом. Кроме того, незадолго до появления этого типа кондотьера был рождён современный миф о Дон Жуане. Донжуанство — эротический вариант «воли к власти», сексуальное применение Силы в смысле, подразумеваемом итальянским Ренессансом. Никто не может сомневаться в том, что перед Кондотьером или Соблазнителем, рыцарь, даже в воинском смысле этого понятия, являлся высшим человеческим типом. Собственно говоря, рыцарское представление о любви принадлежит к «метафизике пола», то есть, традиционной концепции, поскольку женщина и любовь рассматриваются в ней наравне с религиозной верой, как основы трансцендентного импульса. Упадок начинается лишь с появлением того, что Эвола называет «биологизацией эроса».

БИОЛОГИЗАЦИЯ ЭРОСА

В рамках идеального традиционного общества, сексуальная любовь всецело переживается как «процесс воссоздания андрогина», стремление к изначальному Единству. Даже в своих физических проявлениях, любовная связь — сакральна. Эта сакрализация встречается в массовом масштабе, что, однако, не отменяет существование элиты, способной возобновлять контакт с изначальным Единством не только эротическим, но и иным способом: посредством знания и действия. Сексуальность является важным открытием для типа человека, не пригодного для внутренней реализации, согласно высшим гностическим и героическим способам осуществления. Из приведённых выше размышлений непосредственно следует возникновение иерархии человеческих типов. Но эту иерархию значительно ослабляет тот факт, что различные составляющие её человеческие типы, имеют общее совпадение в трансцендентности, которая является основой традиционной солидарности за пределами качественного различия типов и соответствующих им путей.

Метафизическое напряжение, характерное для истоков духовности — и, следовательно, раннего общества, каким его представляет истинный традиционализм, — неминуемо ослабевает. Последствия этого ослабления наблюдаются как на уровне высшего человеческого типа, так и на уровне обычного человека и его эротических представлений. Параллельно с различием, вслед за разъединением идеалов знания и действия, происходит «биологизация» того же Эроса, который смешивают с инстинктом размножения. «Биологизация» является одной из форм продолжения рода. Во второй фазе Эрос уподобляется инстинкту удовольствия, принципу чистого наслаждения, фрейдистскому **Либи́до**: это гедонистическая форма «биологизации».

Когда в рамках человеческого типа, соответствующие элите идеалы знания и действия, разделяются, происходит первый шаг к упадку. Инволюция находится в действии с того момента, как появился дуализм между **Брахманами** и **Кшатриями**. Сам разрыв первоначального синтеза обуславливает упадок двух его элементов, теперь находящихся в разделении. Лишённое опоры действия, знание вырождается в чистое созерцание, в веру. Утратившее своё интеллектуальное основание, действие становится воинским героизмом, перетекающим в «волю к власти». В течение некоторого времени, в рамках различительного дуализма, ещё сохраняется метафизическая память об общем источнике обоих идеалов. Это эпоха, где чистое созерцание и воинский героизм мирно сосуществуют, и где также, как показывает пример средних веков, существует возможность возрождения изначального Единства жреца и воина (в ограниченных масштабах). Но вскоре появляется сепаративный дуализм, вследствие чего память об изначальном единстве окончательно утрачивается и светская власть воинов отныне противостоит духовной власти жрецов.

Это **восстание Кшатриев**, о котором объявляет Генон. Агрессивный и хищный волюнтаризм врывается в мир с настолько мощной силой, насколько Брахманизм теряет метафизическое напряжение, свойственное первоначальному идеалу истинного знания, и **брахманы** более не способны противопоставить освобождённой энергии страстей ничего, кроме уязвимых барьеров набожности и веры.

Такой же упадок царил и в западном обществе в конце античного периода. Благодаря христианству, было рождено средневековое явление — рыцарство (в том смысле, какой мы придали ему выше), наделённое духовной миссией возрождения; явление в действительности относительное и несовершенное по сравнению с идеалом или даже в исторической перспективе перед таким явлением возрождения, как тамплиерство, однако нужно заметить, что оно было предопределённым, ибо имело возможность спасти Запад от дегенерации, сравнимой с той, что царит в наши дни. И хотя воплощённый тип элиты был гораздо ниже героическо-духовной аристократии, рыцарь сохранил воззрения, направленные к трансцендентному. На службу своему самосовершенствованию он поставил потенциально отрицательные силы импульса преданности и любовной страсти. Также интеграция двух последних элементов внесла некую оригинальность в интеллектуальную атмосферу воинского рыцарства средних веков. Тот факт, что, даже провозглашая себя христианским, рыцарство не уважало некоторые фундаментальные принципы, в частности, как подчёркивает Эвола, евангельскую заповедь «не убий», — многие поверили в то, что столкнулись с лицемерием, присущим доминирующему классу, где так называемая элита находится выше законов, которые она, кроме того, навязывает массе. Другие воспользовались возможностью, чтобы твёрдо настаивать на естественной несовместимости, что существовала между ранней христианской моралью и рыцарской этикой. Это, в конце концов, было бы свидетельством языческой духовности, сохранившейся в средние века, которая не имела ничего общего с католичеством, помимо названия. На самом деле рыцари, в частности воины, были христианского происхождения, поскольку осуществление некоего очистительного насилия не является несовместимым с христианством, и не следует видеть в этом «противоречие», основанное на лицемерии или несоответствии.

Что касается конкретных форм духовного рыцарства (в первом ряду которых мы видим Тамплиеров), они связаны, посредством христианской традиции, в общий поток главной Измены, в первую очередь, истокам духовности, которая является сверх-традиционной, а не «языческой духовностью». Мы указываем на отсутствие права владения этим словом для обозначения изначальной духовности. Кроме того, что оно обозначает партикуляризм, пропитанный антихристианством, это выражение содержит в себе росток опасности возникновения путаницы между собственными типами подлинной духовности в дохристианской западной цивилизации (Греческая и Римская, равно как и Северо-Германская цивилизации) с их уже передовым состоянием дегенерации, к которому привело язычество. Чтобы остановиться на этом развитии, мы должны вспомнить, что характер

такого сверх-традиционного явления, как тамплиерство, служил доказательством пред-существования его точного эквивалента в других традициях. Свидетелями этого в традиции ислама был Орден Исмоилитов, с которым у тамплиеров были весьма плодотворные контакты, и в котором также носили красную и белую мантию.

Шельски придал феномену сексуальности четвёртую величину, аффективное измерение в биологическом смысле этого термина. К трём функциям, обычно признаваемым современными сексологами, защищёнными от фрейдистского извращения — гедонистической функции, репродуктивной функции и эмоциональной функции, — Шельски добавил «функцию выбора партнёра». Эта социологическая школа настаивает на основании якобы строгой моногамии, неотъемлемой от любого традиционного общества. Подобная контр-правда не может объясняться ничем иным, кроме желания пересмотреть свой взгляд на брак как на общественный фундамент. «Новая школа» правых быстро восстановила эти идеи, проверяя их силу самим фактом истинной цели, под видом традиционализма, примиренного с научным духом, исправить буржуазную идеологию, значительно искажённую марксизмом и левым уклоном. Поскольку их традиционализм имеет социологический и горизонтальный характер, религия и любовь, духовные и моральные ценности, названные капитализмом «суперструктурой», рассматриваются не в абсолютной перспективе в их связи с необходимым метафизическим порядком, а с утилитарной точки зрения, как виртуальная консолидация общественного случайного порядка, привилегия судьбы и БИОСа.

СЛУЧАЙНЫЙ «ГИБРИДИЗМ»

Юлиус Эвола обвиняет сексуальную мораль христианства в «гибридизме», в котором он видит причину смешения аскетической жизни с обычным существованием, введения в область естественного бытия, и особенно, в брак, ценностей, типичных для аскетической области. В этом же «гибридизме» он усматривает не только происхождение «теологической ненависти к полу», свойственной христианству, но также доказательство его разрыва с традиционным взглядом на сексуальность, в согласии с которым различные не христианские выражения совпадают в том, что намечают точную линию установления границ между аскетической и обычной жизнью.

«Традиционные религии с креационистским фоном всегда признавали существование двух законов. Первый относился к жизни в мире, воспринимаемом как Божье Творение, сохраняемое самим Богом-Творцом (имевшим два аспекта: «создателя» и «хранителя»: Брахмы и Вишну), и этот закон заключался не в отрицании, а, напротив, в сакрализации мирской жизни. Второй закон относился к избранному меньшинству, кто имел аскетическое призвание и выбрал для себя путь уединения и трансцендентности («путь Шивы»). В отличие от древнего иудаизма, маздеизма, ведического индуизма и даже ислама, католичество смешивало оба закона и приложило аскетические ценности к области обычной жизни; одним из следствий стал приговор полу, вернее, истинная теологическая ненависть к полу».

Эвола добавляет: *«То же самое смешение породило и правило священнического безбрачия в католицизме: тип священника (белое духовенство) спутали с аскетом (монашество)».* Нужно уточнить, что это суждение не подразумевает со стороны Эволы никакого предпочтения протестантству, где, вопреки католическим священникам, пастухи могли вступать в брак. Эвола оценивает протестантство в целом не как «преобразование аскетизма», а как «пуританскую репрессию» сексуальной энергии. Вспомним также, что, в отличие от католицизма, протестантство считало, что тенденция человека к сексуальности являлась не одним из следствий первородного греха, а его главной причиной.

Для меньшинства тех, кто имеют призвание, христианство оставляет открытыми «узкие врата» «искусной трансформации» сексуальной энергии. В Евангелии от Матфея говорится о тех, кто *«сделали сами себя скопцами для Царства Небесного».* И он добавляет: *«Кто может вместить, да вместит».* В Евангелии от Луки читаем: *«Чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения».* Некоторые слова Святого Матфея напоминают нам миф о гермафродите: *«Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна*

плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Комментируя этот фрагмент, Эвола признаёт: «Строго говоря, эти слова указывают на объединение полов как процесс воссоздания андрогина, что в данном случае полностью оправдано; последней фразой утверждается не столько социальная неразрывность брачных уз, сколько то, что исповедует Скотт Эриугена: само разделение полов является проявлением человеческого, уже падшего бытия».

Все эти различные примеры достаточно показывают соответствие христианской концепции сексуальности традиционным данным о «метафизике пола». Так называемая путаница между аскетической и обычной жизнью в действительности заключается не более чем в одном из аспектов среди других эзотерических «падений», в виду дегенеративного состояния мировой эпохи, превращённый в избавление от недозрелого, общего и необратимого стремления к хаосу. Ранее упомянутый «гибридизм» есть «гибридизм» обстоятельства. Если существует «теологическая ненависть к полу», она находится не в самой сущности традиционного христианства, а в его случайной адаптации к условиям Железного века.

Другие традиционные доктрины указали пути, специально приспособленные к предвиденному упадку, к вырожденческому дегенеративному состоянию Кали-юги. Мы ненадолго остановимся на пути **Тантры**, направлении в индуизме, в частности относящемся к той позиции, которую следует принимать в периоды крайнего упадка по отношению к сексуальной проблеме.

В основе тантрического пути лежит принцип, согласно которому секс является одним из самых сильных путей, внушающих страх растворения, но именно по этой причине, даже с учётом империи, которая занимается упадочническим миром, было бы ошибкой проявлять негативную реакцию против него, проявляя пуританскую «репрессию». Напротив, необходимо начать пробовать это, практиковать вид внутренней гомеопатии, обращать яд в панацею, действовать таким образом, чтобы изначально растворяющий составной элемент, в конце концов, превратился в условие «пробуждения». Максима **«Оседлать тигра»** хорошо выражает эту способность. Тигр символизирует развратные силы. Вместо того чтобы тщетно пытаться преградить ему путь, вы должны сесть на него верхом и ездить до тех пор, пока силы его не иссякнут. Очевидно, что такая позиция подразумевает огромную опасность. Именно поэтому другое восточное изречение говорит о *«хождении по лезвию ножа»*. Тантрический путь предлагает опасный выбор, который состоит в утрате себя самого с риском окончательно потеряться, качаясь на волнах сексуальности, традиционном препятствии самореализации, чья развратная власть усиливается в виду исторических условий, о которых говорится, что необходимо искать новое свободное пространство, новый ментальный горизонт для внутренней самореализации.

Как внутренняя гомеопатия и сугубо индивидуальный мотив, тантрический путь полностью приемлем. Индивидуальное сознание **Тантрика**, если он наделён темпераментом, ищущим приключений, обладает способностью различения, если, конечно, она не является всего лишь оправданием его развратных привычек. Никто не сомневается, что, к сожалению, среди «интегральных традиционалистов», принадлежащих тантрическому пути, «оседлавших тигра» сексуальности, есть люди, которые используют тантризм для того, чтобы предаваться исключительно гедонистическим удовольствиям, групповому сексу и другим типичным «передовым» практикам западной современности.

Волна относительная, однако, показывающая, что для половины «интегральных традиционалистов» тантризм не является чуждым некоему антихристианскому снобизму. Современный западный **Тантрик** охотно приписывает себе решающее превосходство над природой тех, кто избрал для себя христианский путь аскетизма, рыцарской любви или брака с оттенком романтизма. Этот выбор зависит от «темперамента». Мы уже отрицали этот аргумент, показывая, что платонический культ «далёкой принцессы» не являлся бессильной имитацией. Христианство было женоненавистническим. Мы должны подчеркнуть сравнение, приводимое Святым Фомой Аквинским, который сопоставлял женщину и клоаку. В отличие от реакционного пути христианства, Тантризм представлял собой революционный путь.

Правда состоит в том, что все традиции, в согласии с историческим учением о циклах, предвидели события Кали-юги, дегенерацию Железного века, эпохи сексуального разложения, которое является лишь одним из проявлений упадка. Прямое упоминание этого момента мы можем найти во фрагменте из «**Вишну Пураны**», который Юлиус Эвола включил в дополнение к «**Восстанию против современного мира**» и, более общим способом, в значительных соответствиях между евангельскими словами, которые объявляют приход «ложных пророков» и священными текстами Индии, предсказывающими другие катастрофы «тёмной эпохи», где «женщины перестанут подчиняться своим мужьям и родителям, они станут эгоистичными, гнусными, лживыми и будут вести распутную жизнь. Они превратятся просто в объект наслаждения». Как видно, христианство не имеет монополии на женоненавистничество. В тантризме также нет ничего от «революции». В лучшем случае, можно говорить о весьма относительном женоненавистничестве, абсолютно неотъемлемом от традиции «метафизики пола», презиравшем не саму женщину, а то, чем она стала в эпоху упадка. Истинная традиционалистская критика должна учитывать человеческий упадок. Эвола суммирует его в двойном процессе феминизации духовности и материализации мужественности. Что касается революции в этимологическом смысле возвращения к естественному порядку, она является общей конечной целью тантризма и христианства, сражающихся против мирового упадка, в котором, по вине мистификаций фрейдистского пансексуализма, одержимость Эросом утвердила себя в качестве идеологии.

Общая цель, но разные средства. Тантрический путь (который также известен как «Путьлевой Руки»), в сущности, не превосходит христианский путь («Путь Правой Руки»). Если бы возникла необходимость в установлении иерархии между двумя этими путями, возможно, христианский путь, занял бы высшую ступень, таким образом, приближаясь к героическому измерению (в том числе, к повседневному героизму, состоящему в поддержании семьи и воспитании детей), он не подразумевает риска, что неотъемлем от тантрического пути, на котором даже, когда он сводится к простой индивидуальной гомеопатии, субъект может утонуть в потоке всё более стремительных решений, и потерять тело и душу.

КАТОЛИЧЕСКИЙ БРАК

«Гибридизм», объявленный Эволой как христианская концепция, осуждающая сексуальность, также, по словам нашего автора, являлся особой формой католической доктрины брака. Эвола обнаружил ничтожную смесь «священного и мирского» и «буржуазный конформизм», который, основываясь на показной непрерывности, делал из брака «пуританскую видимость чего-то подобного учению о священной проституции или свободной узаконенной любви». Кризис брака тесно связан с кризисом семьи. *«В действительности, в большинстве случаев современная семья представляет собой мелкобуржуазный институт, обусловленный почти исключительно конформистскими, утилитарными, примитивно человеческими или в лучшем случае сентиментальными факторами».*

«Смешение профанического и сакрального» выделяет событие, которое католицизм связывает с любой парой в тот момент, когда мужчина и женщина вступают в брак в Церкви; трансцендентный характер брак способен принимать лишь в исключительных случаях, поскольку в своём трансцендентном понятии брак есть «великая тайна», о которой говорил св. Павел⁵⁹; на ней мог быть основан тот *«абсолютный, почти героический образ. Такие случаи известны многим традиционным обществам, достаточно привести в качестве примера жён, для которых идея умереть вместе с супругом, казалась совершенно естественной».* Чуть позже Эвола добавляет: *«Однако нужно отметить, что в том же католичестве теоретическая абсолютность брака как ритуала имеет весьма существенное ограничение. Достаточно вспомнить, что Церковь, запрещая развод и повторное замужество, тем не менее, разрешает вдовам и вдовцам вступать в новый брак, что, по существу, тождественно нарушению верности и, в лучшем случае, допустимо лишь исходя из откровенно материалистической предпосылки, иными словами, предположения, что умерший супруг, с которым, благодаря сверхъестественной силе ритуала, были соединены неразрывными узами, действительно прекращает своё существование. Эта нелогичность является одним из признаков, показывающих, что католический религиозный закон, далёкий от того, чтобы принять в расчёт трансцендентные духовные факторы, превращает таинство в чисто вспомогательное средство, поддерживающее существование общества, в обыкновенный элемент профанической жизни за счёт его искажения или сведения к простой формальности».*

Другая часть эволианской критики брака, которую автор развивает в книге **«Оседлать тигра»**, практически не отличается от аргументации, использованной им в **«Метафизике пола»**. Фрагмент, на котором мы останавливаем внимание, и выделяем наиболее важные фразы, служат тому доказательством: *«Известно, что христианская и католическая концепция характеризуется противопоставлением «плоти» и «духа», некой*

⁵⁹ Эвола отмечает: «Истинное традиционное понимание брака как обряда омрачается уже словами св. Павла, когда он, для его обозначения использует понятие не «таинства», но именно «тайны» (дословно он говорит – «тайна сия велика» – Еф., 5, 31-32)».

теологической ненавистью к полу, что объясняется следствием незаконного распространения на обычную жизнь принципа, который обладает ценностью, прежде всего, для особого типа аскетической практики. Пол как таковой воспринимается как нечто греховное, по сравнению с чем брак оказывается лишь **наименьшим злом**, некой уступкой человеческому несовершенству, позволяющей тому, кто не способен сохранять целомудрие, отвергнув от половую жизнь. Католичество, понимая невозможность предать анафеме сексуальность в целом, предприняло попытку свести её в контексте того же брака к тривиальному биологическому факту, признав дозволенность сексуальных отношений для супругов лишь в целях деторождения». Заметим, что представление о браке как «**наименьшем зле**» по отношению к сексуальному разложению, служит как бы моральной превентивной дамбой против тенденции к наслаждению, гарантируя барьер от сладострастного искушения, в точности соответствуя воззрению св. Павла, его доктрине **Профилактического Брака**, особенно подчёркнутой в **Первом Послании к Коринфянам**⁶⁰.

⁶⁰ Мы считаем нужным привести здесь фрагмент, в котором содержится учение св. Павла о браке: «1. А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. 2 Но, *во избежание* блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. 3 Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. 4 Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. 5 Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а *потом* опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. 6 Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление. 7 Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. 8 Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. 9 Но если не *могут* воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться. 10 А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, – 11 если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены *своей*. 12 Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; 13 и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. 14 Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. 15 Если же неверующий *хочет* развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких *случаях* не связаны; к миру призвал нас Господь. 16 Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? 17 Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам. 18 Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся. 19 Обрезание ничто и необрезание ничто, но *все* в соблюдении заповедей Божиих. 20 Каждый оставайся в том звании, в котором призван. 21 Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. 22 Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. 23 Вы куплены *дорогою* ценою; не делайтесь рабами человеков. 24 В каком *звании* кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом. 25 Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть *Ему* верным. 26 По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. 27 Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. 28 Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль. 29 Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; 30 и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; 31 и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. 32 А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; 33 а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: 34 незамужняя заботится о Господнем, как угодить

Настало время завершить данную главу и обозначить нашу позицию по этому вопросу за пределами рассуждений двух наших авторов, и в особенности, Эволы. Христианское понимание сексуальности и брака, безусловно, связано со столь необходимой традиционной «метафизикой пола». В Евангелиях от Луки и Матфея, через Скота Эриугену и святого Павла мы привели неоспоримые свидетельства относительно христианского понимания сексуальности и брака как «священного союза», неким образом воспроизводящего изначальное воссоединение мужчины и женщины в андрогинном единстве. Однако, с учётом условий конца цикла, в который стали проявляться упадочнические типы, наряду с метафизической интерпретацией сексуального и супружеского союза, христианство предложило общественные и экзистенциальные пути, которые составляют элемент его predetermined эзотерического исправления, его необходимого упадка в этом мире, таким же образом, как в философской области сепаративный дуализм сменил различительный традиционный дуализм («доктрину двух природ»), а в политической области, гвельфская доктрина разделения могуществ, что была противопоставлена гибеллинской теории их различия, постулировалась, не смотря на общее божественное происхождение духовной и светской власти. Двойная паулистская доктрина брачного ритуала («великая тайна») и профилактического супружества («наименьшее зло») является свидетельством того, что в эзотерических истоках христианства, существовали и экзотерические уровни. На этой стадии своего развития, христианство сумело осуществить свою двойную миссию традиционного восстановления и попытки приостановить упадок. Это будет продолжаться и в средние века ровно до того момента, как возродится, посредством таких явлений как тамплиерство, изначальная духовность, объединившая в себе идеалы созерцания и действия, и благодаря рыцарской любви, врата к сакрализации пола вновь будут открыты всё тому же воину, искушённому волюнтаризмом «власти» в современном значении этого понятия. Затем эзотерическое сознание христианства было помрачено и сохранились разве что эзотерические останки изначальной традиции, а именно в той особенной области сексуальной этики, брака как социальной связи и фактора воспроизведения, с оттенком, в лучшем случае, романтизма.

Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. 35 Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно *служили* Господу без развлечения. 36 Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть *таковые* выходят замуж. 37 Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. 38 Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше. 39 Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. 40 Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия». В комментарии на «Первое Послание к Коринфянам» Дэвида Приора, мы читаем: «1 «Павел не говорит, что брак – это профилактическое средство против блуда, но именно этой цели он и служит. Мужчины и женщины испытывают влечение плоти, и если их вожделения реализуются в рамках установленного Богом института брака, менее всего вероятно, что они должны выражаться в запрещенной Богом форме. Брачные узы должны носить реальный, а не „духовный“ характер» (Barrett, p. 156).

В ответ на некую неуступчивость в этом вопросе, что царит, прежде всего, в эволианских источниках, мы позволим себе настаивать на том факте, что даже буржуазный брак с его общественным, профилактическим принципом, не является злом с традиционной точки зрения. То, что приписывает ему отрицательный, антитрадиционный смысл, является его абсолютизацией, самым фактом, что он не существовал в то время, когда экзистенциальный путь, был ограничен для некоего человеческого типа, наряду с другими путями (аскетизмом или высшей супружеской любовью), назначенными другим человеческим типам. Он становился антитрадиционным лишь в той мере, в какой брак становился «буржуазным». Было бы абсурдным утверждать, что брак, по своей сути, является «буржуазным» явлением. Чтобы вступить в брак, мужчины и женщины не ждали девятнадцатого века, эпоху, в которую произошла окончательная победа «буржуазной идеологии» как доминирующего менталитета.

Строго в плане сексуальной этики, «буржуазная идеология» заключалась в абсолютизации брака как составного элемента семейных и социальных отношений, профилактике от эротических излишеств (чтобы не отводить мужскую энергию от её основной цели: экономического и профессионального успеха), и способе сохранения рода и состояния посредством биологического инстинкта размножения. Всё это параллельно абсолютизации в самой общей области человеческой концепции «производительной функции», которая, наряду с «воинской» и «жреческой» функциями является трифункциональной и присущей традиционному обществу. На самом деле, брак, как естественное, обывательское и распространённое явление — это идеал производителя, как аскетизм и рыцарская любовь некогда считались идеалами «человека знания» и воина. Традиционный менталитет не отрицает брак, каким он был ранее. Он лишь добавляет другие представления о любви, как образец возможности чистого отречения для того, чтобы широта перспективы позволила мысленно охватить множество человеческих типов, которые могут существовать на поверхности земли. Антитрадиционным является требование возвести один из этих подходов в категорический императив. Антитрадиционно буржуазное отрицание любого внебрачного пути. Антитрадиционна насмешка, с которой некоторые псевдо-традиционалисты воспринимают брак и семью. В свою очередь романтизм — не обычная «оболочка» буржуазного брака, «суперструктура» в почти марксистском смысле этого термина, которая, на экономических основаниях, выделяет из себя буржуазную жизнь. Какую иную форму он мог бы иметь, показывает Дени де Ружмон, великий толкователь «любовных мифов»; это ставший определённым фатальный случай западной любви в целом, от Тристана до Мадам Бовари, против института брака. Ибо многие люди верят в том, что сентиментальность не является синонимом пошлости. Она также составляет часть романтизма, этой величественной и неотразимой привлекательности, которой обладают любовники, обречённые потерять друг друга, когда связанные до самой смерти, они становятся теми, кого повсеместно называют «трагическими любовниками», — формула для

сенсационных дневников, что утратила высший, традиционный смысл. Нет ничего удивительного в том, что нередко эта формула любви определяла брачные отношения, по мере того, как этот брак становился всё более «буржуазным».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Христианство, несомненно, является частью изначальной и универсальной традиции, ранним синтезом всех частных традиций, возникновение которых, согласно символизму Вавилонской Башни, было первой формой дисперсии Единства на множество.

Наиболее обоснованным доказательством этой принадлежности является соответствие между многочисленными нехристианскими мифами и символами и многими признаками — образными или числовыми — христианства, послужившими основой его мировоззрения. Мы употребили слово «нехристианские», всё же предпочтительнее говорить «дохристианские», чтобы не вводить в заблуждение читателя, предлагая ему основанную на историзме, обычно преувеличенную, интерпретацию, согласно которой христианство было лишь «имитацией» других религий. Ранее упомянутое основное соответствие следует объяснять не «имитацией» или «ассимиляцией». Оно вытекает из общей согласованности всех отдельных традиций по отношению к универсальной Традиции, которая является первой в общем цикле развития и высшей в онтологическом масштабе.

Универсальной и изначальной Традиции соответствует Золотой век, рай, который открывает каждую **Манвантару**, Рай, что в настоящем цикле отметил возникновение нынешнего человечества, названного Жаном Фором «адамическим человечеством». Однако невозможно, чтобы он воскресил Золотой век в условиях локализации пространства, поскольку, строго говоря, он «внеисторичен». «Первородный грех» — не что иное, как разрыв с этим вневременным состоянием, разрыв, ставший причиной упадка, который, по аналогии с физическим принципом падающих тел, может усиливаться только акцентируясь на отправной точке, а именно «падении во время»⁶¹ (Эмиль Чоран).

Духовность, которую характеризуют как Серебряный Век, уже отмечена определённым рядом диалектических напряжённостей, что возникли непосредственно по причине разрыва изначального Единства. К примеру, мы можем напомнить о зарождающемся конфликте между духовной и светской властью, что представлял собой более чем простое политическое отражение антагонизма, а именно противопоставление гностического способа подхода к трансцендентному (путь знания) — героическому способу открытия «сверхмира» (путь действия). Духовность Серебряного века, тем не менее, позволяла существовать метафизической напряжённости в изначальном Единстве. Также цивилизации и общества, наполненные его Светом, всегда носили традиционный характер. Антитрадиция восторжествовала как типичное мировоззрение Бронзового и Железного веков; в контексте борьбы с Традицией появился

⁶¹ Книга «*La chute dans le temps*» («Падение во время») была написана в 1964 году. В переводе Льва Наврозова — «Падение в пропасть времени» (см. статью «Эмиль Чоран: последний инакомыслящий?»).

двусмысленный универсализм, что являлся не более чем дьявольской пародией и карикатурой на истинный универсализм.

В частном случае рассмотрения христианской традиции как восстанавливающей духовность Серебряного века, метафизическое напряжение к «условиям, предшествующим упадку», становится революционным напряжением в значении этого термина с учётом циклических обстоятельств его возникновения в той степени, в какой они совпадают с концом мира и, тем самым, с появлением нового человечества. Так объясняется христианский мессианизм, это пророчество о духовном возрождении, пародируя которое, марксизм вернул ему глубокий смысл.

Циклические условия возникновения христианства объясняют также его «мировой упадок», это провиденциальное вмешательство Бога в историю упадочнического человечества, эту необходимую экзотеризацию, нужную для того, чтобы собрать в спасительном «Ковчеге» «Избранных», достойных того, чтоб избежать нового и неизбежного потопа.

Именно на этом уровне выявляется ошибка, которая привела Эвола к непониманию христианства. Напомним, что это недоразумение должно было основываться на традиционной точке зрения, не имея ничего общего с ненавистной «антихристианской» нетерпимостью некоторых современников, в частности тех, кто называют себя «правыми». У Юлиуса Эвола имеется партикуляристская перспектива, связанная его темпераментом Кшатрия, который подтолкнул его к тому, чтобы принять экзотерическую адаптацию христианской традиции за её глубинную сущность, и поддаться соблазну историзма, что особенно заметно в его взгляде на средневековое величие как на результат «ассимиляции» христианством некоторых элементов «языческой духовности», или же гипостазирование отдельных типов духовности: религии Рима, индо-европейских религий, религий «Света Севера». Всё это служит доказательством противоположного мнения по этому вопросу сдержанного Рене Генона, воплощённого метафизика, привилегированного свидетеля Традиции.

Кроме всего прочего, Эвола обвиняет христианство в том, что оно перенесло аскетические ценности в обычную жизнь. В этом отношении усматривается непоследовательность, нежели необходимость, продиктованная тем фактом, что в состоянии крайней дегенерации современного человечества конца этого цикла, «избранные», а именно те, кто способны открыть «узкие врата», связаны между собой невидимой духовной цепью, в то время как много ранее, в менее явных состояниях инволюции, духовная связь между субъектами воплощалась в общественной организации, в частности, в касте. Эвола подвергает критике концепцию Родины во второстепенном значении этого понятия, отдавая предпочтение тому **идеалу Родины**, который принимают не из-за обстоятельств рождения (христианином не рождаются, христианином становятся), а по причине духовной внутренней связи, — той, которую крещение, в её эзотерическом смысле «второго рождения», вкладывает в

принцип духовной ратификации. «Избранные», рассеянные во всех расах, нациях и социальных слоях, воссоединятся в новом «Ковчеге», став опорой христианской традиции в век «завершения».

Переходная роль христианства — между Кали-югой нынешнего цикла и новым инаугурационным раем другой Манвантары — объясняет характер его синтетической традиции, «синтез, объединивший всё». В доктринальной области, экзотеризация, имеющая непосредственное отношение к условиям цикла, не мешает христианству поддерживать контакт с изначальной и универсальной Традицией посредством эзотерической доктрины. В оперативной и экспериментальной области инициации остаются открытые врата как для гностического пути (монашеский, чисто созерцательный аскетизм), так и для героического (воинское интеграционное рыцарство с духовными принципами, сублимировавшими женское начало и концепцию платонической любви), а также синтеза двух путей (тамплиерство, Ордена воинов-аскетов и другие формы рыцарства). Всё это предназначалось для мужской элиты, не утратившей чувство трансцендентности. Массе других мужчин, в качестве барьера против материалистического искушения, христианство предлагало вдохновение веры, опору ритуалов и этический путь профилактического брака. В политической области оно подтверждало традиционную отличительную двойственность двух могуществ путём установления надзора над временной властью в ответ на каждую дерзкую попытку посягательства на духовную власть, единственную, которая могла наделить «небесным мандатом».

Между тем, сохранив это внутреннее множество путей, каждый из которых соответствовал «многочисленным состояниям человека», — что противоречило иллюзорной идее современных «плюралистов», — христианство могло послужить фундаментом для западной цивилизации и подлинного традиционного общества. Но эзотерическое сознание христианства постепенно «помрачалось», а вслед за ним, и высший смысл, который христианская традиция придавала знанию и действию. Как только было скрыто гностическое измерение, вера и ритуал вошли в диалектическое противопоставление с современным псевдо-интеллектуализмом, «свободным мышлением», что являлось лишь предупредительной маской атеизма. После того, как была забыта традиционная концепция воина как восстановителя необходимого метафизического порядка, «восстановителя руин» и «воина Бога», остался лишь героизм, основанный на материалистической «воле к власти», легко возвратившийся в силу благоприятных условий сложившегося порядка. Как только была утрачена память о высшей супружеской любви (рыцарской любви или «великой духовной тайне», каждодневно переживаемой в свете «метафизики пола»), осталась лишь буржуазная семья, имевшая целью социальные отношения и антигедонистическую профилактику, противостоящую сначала романтической супружеской любви, а затем и супружескому эротизму. Как только исчезла изначальная двойственность двух могуществ, дал о себе знать сепаративный дуализм,

породивший нескончаемый конфликт между мирской и религиозной властью.

Описанные нами диалектические оппозиции, характеризуют антитрадиционный этап «упадка Запада», антихристианский этап. Оставался второй этап инволюции, контр-христианский, отражение всеобщей концепции контр-традиции. Экзотерическо-религиозные следы христианской традиции (вера, ритуал, церковная иерархия), которые на предыдущем этапе активно участвовали в диалектическом обсуждении, в нынешнее время почти исчезли. Эта дискуссия, как правило, ограничена борьбой, которая противопоставляет антитрадиционному материализму с его псевдо-духовностью — Традицию. Лучший способ исключить Католическую Церковь из этого обсуждения — это, очевидно, действовать с помощью проникновения разрушительных элементов внутрь её развития, подталкивая к контр-традиции. Реакция фундаменталистов должна рассматриваться с интересом. Однако, примечательно, что она не ограничивается лишь защитой литургии, экзотерической проповеди от «поддержания порядка» до исключительности, что, благодаря нелепости аджорнаменто, принимает форму экуменизма, даже анагии. Фундаментализм способен избавиться от этих дефектов, не подвергаясь риску быть «традиционным» в «горизонтальном» и социологическом смысле этого термина, и оказаться в диалектическом конфликте с современностью дополнительным звеном в цепи ложных альтернатив.

Только конфликт между псевдо-универсализмом на его контр-традиционном этапе и истинной универсальной Традицией может и должен закончиться победой одного из противников. Другие, так называемые альтернативы, ведут ни к чему иному, как к увеличению «кризиса современного мира», не предоставляя и тени его решения. «Дифференциализм», поддерживаемый «правыми», представляет собой идеологию, способствующую чувству удовлетворения от пребывания в современном нигилистическом хаосе, стараясь дать ему онтологическое оправдание. Более положительной может быть борьба некоторых «левых» революционеров, которые, по крайней мере, понимают бессмысленность современного мира и хотят, с благими намерениями, заменить его на утопию, единственный недостаток которой в том, что она является только карикатурой на истинную утопию. Настоящий революционер, прежде всего, борется под вдохновением «мобилизирующего мифа», который есть не что иное, как миф о Золотом веке, состоянии изначального единства, о котором все традиции сохранили живую память, и с которым, за пределами свидетельств **Кали-юги** и агонии нынешнего цикла, христианство связывает возрождение совершенного человечества. Это также относится и к правым, чей политический идеал органичности, интеграции различий и преодоления конфликтов является отражением изначального Единства, гарантирующего Мир и Справедливость.

Несомненно, правые революционеры — не обязательно христиане. Утверждать подобное с нашей стороны равносильно тому, чтобы впасть в критерий нетерпимости и отречься от нашего идеала анагогического

экуменизма. Но христианство живёт в своей экзотерической форме в подавляющем большинстве европейцев. Новое открытие и переосмысление его эзотерического измерения способно заложить основу европейской революции традиционного направления, с большей безопасностью, мы полагаем, что возможен гипотетический союз с экстра-европейскими традициями или, в зависимости от обстоятельств, реконверсия в языческую, греко-римскую или северо-германскую духовность, с чьими внешними аспектами мы уже знакомы. Очевидно, за исключением случаев, когда выбор дохристианской традиции идёт рука об руку с сугубо внешними поисками реализации. Наиболее красноречивым примером этого является переход Рене Генона в ислам. Но подобно тому, как Генон стал мусульманином, имея традиционный взгляд, новой революционной европейской элите нужно стать христианской для того, чтобы успешно противостоять псевдо-универсализму левых. Вот почему всем тем, кто любят говорить о «правых», следует, по крайней мере, ознакомиться с книгами Эволы и Генона, которые послужили основой для этого исследования и скромного комментария, возможно, в некоторой степени субъективного. Если это так, пусть простят нас читатели, которые следовали за нами до сих пор.

Париж,
12 сентября 1978 года.